

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Оливковое дерево

INSPIRIA

Люсинда Райли
Оливковое дерево
Серия «Novel. Мировые
хиты Люсинды Райли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67978410
Райли, Люсинда. Оливковое дерево: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-173798-6

Аннотация

Есть поверье, что каждый, кто посетит Пандору, непременно влюбится.

Пандора – старинный дом на Кипре, который Хелена, профессиональная балерина, получила в наследство от крестного. В юности она провела там отпуск, который изменил ее жизнь и о котором она никогда не рассказывала близким.

Проходят годы, Хелена приезжает в особняк с мужем и сыном. Но дом не зря имеет такое название. Вернувшись, Хелена словно бы открывает Ящик Пандоры, что хранит все ее беды и секреты. Она вновь встречает свою первую любовь – и это грозит сломать всю ее жизнь. Более того, ее сын Алекс, кажется, в шаге от того, чтобы повторить судьбу матери. Хелене предстоит заново найти с ним общий язык и решить для себя, что в ее жизни верно, а что нет.

Роман от автора цикла "Семь сестер" Люсинды Райли, чьи книги проданы в мире тиражом более 44 млн экз. Новая масштабная история о любви, семейных тайнах и ошибках юности. Это "самостоятельный" роман, что не входит ни в какие циклы.

Содержание

Алекс	6
Июль 2006 года	13
ДНЕВНИК АЛЕКСА	13
α	19
ДНЕВНИК АЛЕКСА	35
β	39
ДНЕВНИК АЛЕКСА	54
γ	58
ДНЕВНИК АЛЕКСА	72
δ	77
ДНЕВНИК АЛЕКСА	95
ϵ	98
ДНЕВНИК АЛЕКСА	113
ς	116
ДНЕВНИК АЛЕКСА	132
ξ	137
ДНЕВНИК АЛЕКСА	153
η	158
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Люсинда Райли

Оливковое дерево

«Настоящему» Александру

*Идешь за тенью – ускользает,
Уходишь прочь – бежит вослед.*

Бен Джонсон

(перевод Евг. Фельдмана)

Алекс «Пандора», Кипр

19 июля 2016 года

Дом я вижу еще с дороги, пока объезжаю опасные рытвины, не только не засыпанные за прошедшие десять лет, но ставшие глубже. Еще немного тряски на ухабах, и я останавливаю машину и просто сижу, глядя на Пандору. В реальности дом не такой уж очаровательный – ничего общего с глянцевыми фотографиями на сайтах элитной недвижимости. Если не считать фасада, он скорее чопорный, практичный, почти аскетичный – точно такими я всегда представлял его прежних обитателей. Построенный из светлого местного камня и квадратный, как домики из «лего», которые я строил в детстве, он вырастает из окружающих его безводных известняков, пышно заросших, насколько хватает глаз, неяркими виноградниками. Я пытаюсь совместить эту реальность с картинками из памяти – снятыми и сохраненными десять лет назад – и решаю, что память меня не подвела.

Припарковав машину, иду вдоль крепких стен ко входу и вступаю на террасу, благодаря которой Пандора из разряда заурадных попала в высшую лигу. Пройдя по террасе, я на-

правляюсь к краю, к балюстраде, установленной как раз там, где земля начинает отлого скатываться вниз. А там – пейзаж все с теми же виноградниками, разрозненными выбеленными домиками и купами олив. И вдали мерцающая аквамаринная линия, разделяющая небо и землю.

В небе проводит показательные выступления заходящее солнце: желтые лучи проникают в синеву, превращая ее в темный янтарь. Интересно, я-то всегда думал, что из желтого и синего получается зеленый. Смотрю направо, на сад под террасой. За красивыми внутренними изгородями, которые так аккуратно высадила моя мать, десять лет никто не ухаживал, и, лишенные внимания и воды, они были поглощены безводной землей и вытеснены уродливыми колючими сорняками – сорт неизвестен.

Там, в центре сада, со все еще привязанным обрывком от гамака, в котором любила лежать моя мать – его веревки похожи на старые разломаченные спагетти, – стоит олива. Когда-то я прозвал ее «Старица», потому что все взрослые вокруг говорили, какая она старая. За прошедшие годы все вокруг умерло и разложилось, а она только стала выше и величественнее, очевидно твердо решив выжить за счет более слабых ботанических соседей.

Как это прекрасно: метафорический триумф над невзгодами, и каждый миллиметр корявого ствола как гордое свидетельство борьбы.

Вот интересно, почему люди ненавидят карту своей жиз-

ни, которая появляется на их собственных телах, и при этом восхваляют дерево вроде этого, или выцветшую картину, или почти заброшенное, необитаемое здание за их древность.

Размышляя таким образом, поворачиваюсь к дому и с облегчением вижу, что по крайней мере снаружи Пандора выдержала небрежение последних лет. У главного входа достаю из кармана железный ключ и открываю дверь. Проходя по темным комнатам, спрятанным от света закрытыми ставнями, осознаю, что мои эмоции притупились... и это, пожалуй, к лучшему. Я не смею начинать чувствовать, потому что это место – вероятно, больше, чем какое-либо другое, – хранит ее дух...

Полчаса спустя я уже открыл ставни нижнего этажа и убрал чехлы с мебели в салоне. Стоя в тумане пылинок, танцующих в свете заходящего солнца, вспоминаю, каким старым все здесь казалось в тот первый раз. И глядя на продавленные кресла и потертую кушетку, думаю, что, может быть, как с оливой, после определенного момента «старый» – это просто старый и с виду больше не стареет, как седые бабушка и бабушка для маленького ребенка.

Разумеется, единственное в этой комнате, что изменилось до неузнаваемости, – это я. У нас, людей, львиная доля нашей физической и умственной эволюции происходит в первые наши годы на планете Земля: от младенца до взрослого в мгновение ока. После этого, по крайней мере внешне,

мы всю жизнь до самого конца выглядим более или менее так же, просто становясь более оплывшей и менее привлекательной версией себя же молодых, по мере того как гены и гравитация делают свое черное дело. Что до эмоциональной и интеллектуальной стороны... ну, остается верить, что существуют какие-то бонусы, компенсирующие медленную деградацию наружной упаковки. И возвращение сюда, в Пандору, четко показывает наличие таких бонусов. Выйдя в коридор, я посмеиваюсь над «Алексом», каким был когда-то. И поеживаюсь, вспоминая себя прежнего: тринадцатилетний, занятый только собой и, если подумать и вспомнить, вообще сущее наказание.

Открываю дверь в «Кладовку для метел» – так я нежно прозвал комнату, в которой обитал в то долгое жаркое лето десять лет назад. Потянувшись к выключателю, сознаю, что не ошибался по поводу миниатюрных размеров помещения, которое, кажется, сжалось еще больше. Все мои шесть футов один дюйм ступают внутрь... интересно, если закрыть дверь и лечь, придется высовывать ноги в крохотное окошко, как Алисе в Стране чудес?

Поднимаю взгляд на полки по обеим сторонам этого вызывающего клаустрофобию помещения и вижу, что все книги, которые я скрупулезно расставил в алфавитном порядке, по-прежнему на месте. Инстинктивно достаю одну из них – «Награды и феи» Редьярда Киплинга – и листаю в поисках знаменитого стихотворения. Читаю строки «Если» – мудрые

слова, написанные отцом сыну, – и вдруг чувствую, как на глаза наворачиваются слезы по подростку, каким я был тогда: мне так отчаянно хотелось найти отца. А потом я нашел его – и понял, что у меня уже был отец.

Возвращая Редьярда на полку, замечаю рядом книжку в твердом переплете. Это же дневник, который мать подарила мне на Рождество за несколько месяцев до моего первого приезда в Пандору. Семь месяцев я каждый день писал в нем прилежно и, зная меня тогдашнего, высокопарно. Как все подростки, я считал, что мои идеи и чувства уникальны и революционны, что такие мысли никогда не приходили в голову ни единому человеческому существу до меня.

Печально качаю головой и по-стариковски вздыхаю над этой наивностью. Я не взял дневник с собой, когда мы вернулись в Англию после того долгого лета в Пандоре. И вот он, десять лет спустя, снова у меня на ладонях, только руки гораздо больше. Записки о последних месяцах детства, перед тем как жизнь затащила меня во взрослость.

Забрав дневник с собой, выхожу из комнаты и поднимаюсь наверх. Неуверенный, в какой из комнат устроиться, брожу по довольно темному, душному коридору и, глубоко вздохнув, направляюсь к *ее* комнате. Собрав все мужество, каким обладаю, открываю дверь. Возможно, это игра воображения – что еще может быть после десяти лет отсутствия, – но я убежден, что меня окутывает аромат духов, которыми она когда-то пользовалась...

Плотно закрыв дверь, еще не в силах заглянуть в шкатулку Пандоры, переполненную воспоминаниями, которые разлетятся из любой из этих спален, отступая вниз. Оказывается, уже спустилась ночь, за окном крошечная тьма. Смотрю на часы, добавляю разницу во времени и понимаю, что здесь почти девять вечера. И пустой желудок урчит, требуя пищи.

Забираю вещи из машины и раскладываю в кладовой припасы, купленные в деревенском магазине, потом несу хлеб, фету и очень теплое пиво на террасу. Сидя там в тишине, чистоту которой иногда нарушает разве что сонная цикада, прихлебываю пиво и размышляю, такой ли уж хорошей была идея приехать на два дня раньше остальных. Даром что у меня диплом с отличием по специальности «созерцание пупка». Мне даже предложили работу, где этим надо заниматься все дни напролет. Эта мысль, по крайней мере, вызывает у меня смех.

Чтобы как-то отвлечься, открываю дневник и читаю надпись на первой странице.

«Дорогой Алекс, с Рождеством! Постарайся вести его регулярно. Возможно, интересно будет почитать, когда станешь старше.

Крепко целую, мама».

Что ж, мама, будем надеяться, ты права.

С легкой улыбкой бегло проглядываю страницы напыщенной прозы, добираясь до начала июля. И при свете тусклой лампочки, висящей под навесом у меня над головой, начи-

наю читать.

Июль 2006 года

Прибытие

ДНЕВНИК АЛЕКСА

10 июля 2006 года

У меня совершенно круглое лицо. Уверен, можно начертить круг циркулем, и только очень редко его края и мое лицо не совпадут. Я его ненавижу.

Еще внутри круга пара румяных, «как яблочки», щек. Когда я был младше, взрослые часто щипали их: брали пальцами и сжимали. Они забывали, что мои щеки – не яблоки. Яблоки неодушевленные. Они твердые, они не чувствуют боли. Если они помяты, это только на поверхности.

У меня, впрочем, красивые глаза. Они меняют цвет. Моя мать говорит, что, когда я живой внутри, полон энергии, они ярко-зеленые. Когда я напряжен, они становятся цвета Северного моря. Лично я считаю, что они скорее серые, но они довольно большие и формой напоминают персиковую косточку, и брови (темнее волос, по-девчоночьи блондинистых и прямых как солома) красиво их дополняют.

В данный момент я смотрюсь в зеркало. Слезы пощипывают глаза, потому что, когда я на себя не смотрю, в воображении могу быть кем угодно. Свет здесь, в крохотной туалетной кабинке, резкий и сияет вокруг моей головы, как нимб. Зеркала в самолетах хуже всего: в них ты похож на свежескопанного двухтысячелетнего мертвеца.

Под футболкой видна плоть, выпирающая над шортами. Захватываю ее в горсть и сжимаю, превращая в нечто вроде пустыни Гоби. Вот дюны, а между ними складочки-распадки, из которых могли бы прорасти пальмы, как в оазисе.

Потом я тщательно мою руки.

В принципе, мои руки мне нравятся, потому что они, кажется, не присоединились к походу в Пузырьландию, куда в настоящее время решило перебраться почти все мое тело. Мать говорит, что это «щенячий жирок», что гормональная кнопка с надписью «тянуться вширь» сработала с первого нажатия. К несчастью, кнопка «тянуться вверх» одновременно дала сбой. И, похоже, залипла.

Кроме того, сколько жирных щенков мне встречалось? Обычно они стройные – постоянное возбуждение изматывает их.

Может быть, мне пригодились бы возбуждение.

Есть и положительный момент: полет дает ощущение невесомости даже жирным. И в этом самолете много людей гораздо жирнее меня. Я смотрел. Если я – Гоби, то мой нынешний сосед – самая настоящая Сахара. Его предплечья

свисают с подлокотников, кожа, мускулы и жир проникают в мое личное пространство, как мутирующий вирус. Меня это конкретно раздражает. Я держу свою плоть при себе, в отведенном мне пространстве, даже если это приводит к мышечному спазму.

Отчего-то в самолетах мне думается о смерти. Объективности ради, о смерти я думаю, где бы ни находился. Вероятно, смерть чем-то похожа на невесомость, ощущаемую здесь и сейчас, в этой металлической трубе. Во время прошлого полета моя младшая сестра спросила, умерла ли она, потому что кто-то сказал ей, что дедушка живет на облаке. Увидев в иллюминаторе облако, она решила, что летит к нему.

Почему взрослые рассказывают детям такие нелепые сказки? Это всегда плохо кончается. Лично я никогда в них не верил.

Родная мать давным-давно перестала их на мне испытывать. Она любит меня, моя мать, хотя я и превратился в мистера Пузырь за последние несколько месяцев. И она клянется, что когда-нибудь мне придется присесть на корточки, чтобы увидеть свое лицо в забрызганном водой зеркале вроде этого. Очевидно, я происхожу из семьи высоких мужчин. Успокаивает это не особо. Я читал, что гены перескакивают через поколения, и – с моим-то везением – буду первым за сотни лет жирным гномом среди мужчин-Бомонтов.

Кроме того, она игнорирует противостоящую ДНК, которая поучаствовала в моем создании...

Об этом я твердо решил побеседовать во время каникул. И пофиг, сколько раз она пытается слиться и как бы случайно сменить тему. Куст крыжовника вместо отца больше не сгодится.

Мне надо знать.

Все говорят, что я похож на мать. Но что им еще говорить-то? Едва ли можно сравнить меня с неопознанным сперматозоидом.

Вообще говоря, факт, что я не знаю, кто мой отец, возможно, также дополняет уже заведшуюся у меня манию величия. Что очень вредно, особенно для ребенка вроде меня... если я еще ребенок. Или был им когда-то, в чем я лично сомневаюсь.

В этот самый миг, когда тело мое с грохотом проносится над Центральной Европой, мой отец мог быть кем угодно, кого я решу вообразить, – любым, кто подойдет мне в данный момент. Например: вдруг мы вот-вот разобьемся, а у командира только один запасной парашют. Я представлюсь ему как его сын, и ему надо будет спасать меня, ведь правда?

Однако, если подумать, возможно, лучше не знать. Мои стволовые клетки могли зародиться где-нибудь на Востоке, и тогда для общения с отцом мне пришлось бы учить северо-китайский, каковым языком сверхтрудно овладеть.

Иногда мне хочется, чтобы мама была больше похожа на других матерей. В смысле, она же не Кейт Мосс какая-нибудь, потому что она довольно старая. Но ужасно неловко,

когда мои одноклассники и учителя, да и любой мужчина, который приходит к нам в дом, смотрят на нее вот так. Все ее любят, потому что она добрая и веселая и умеет и готовить и танцевать. Кажется, ее хватает на всех, но мне мало моей доли и бесит сам факт, что приходится делить ее с другими.

Потому что я люблю ее больше всех на свете.

Она родила меня без мужа. Сто лет назад я бы родился в ночлежке и мы оба, наверное, через несколько месяцев умерли бы от туберкулеза. Нас похоронили бы в бесплатной могиле для нищих, и наши скелеты вечность лежали бы вместе.

Я часто задумываюсь: не смущает ли ее живое напоминание о своей аморальности в моем лице? Не из-за этого ли она отсылает меня в школу?

Проговариваю «аморальность» перед зеркалом. Люблю слова. Я коллекционирую их, как одноклассники коллекционируют футбольные карточки или девочек – в зависимости от уровня зрелости. Мне нравится брать слова и складывать в предложение, чтобы выразить свою мысль как можно точнее. Возможно, когда-нибудь я захочу сделать эту игру профессией. Скажем прямо, мне никогда не играть за «Манчестер Юнайтед», учитывая мои нынешние физические данные.

В дверь колотят. Как обычно, я потерял счет времени. Смотрю на часы и понимаю, что провел здесь больше двадцати минут. Теперь мне придется выйти к очереди сердитых пассажиров, которым не терпится пописать.

Еще раз смотрюсь в зеркало – последний взгляд на мистера Пузырь. Потом отвожу глаза, делаю глубокий вдох и выхожу из кабинки, как Брэд Питт.

α

Один

– Мы заблудились. Придется остановиться на обочине.

– Господи, мама! Тьма кромешная, и мы повисли над утесом! Здесь *нет обочины*.

– Перестань паниковать, дорогуша. Я найду безопасное место.

– Безопасное? Ха! Я бы захватил с собой ледоруб и крюки, если бы знал.

– Вон там дальше карман. – Хелена рывком прошла крутой поворот на незнакомой машине и резко затормозила. Заметив, что сын зажмурился, она положила руку ему на колено. – Можешь смотреть. – Потом она глянула через окно в долину с крутыми склонами, на огоньки, мерцающие на побережье далеко внизу, и выдохнула: – Какая красота!

– Нет, мама, это не «красота». «Красота» – это когда мы не затеряны в глубинах чужой страны и нам не грозит верная смерть от низвержения с высоты две тысячи футов. Здесь что, никогда не слышали об отбойниках?

Хелена, не обращая на него внимания, нащупала над головой переключатель подсветки салона.

– Передай мне карту, дорогуша.

Алекс повиновался, и Хелена принялась ее рассматривать.

– Она вверх ногами, мама, – заметил сын.

– Подумаешь, – она перевернула карту. – Имми еще спит?

Алекс обернулся посмотреть на пятилетнюю сестру, раскинувшуюся на заднем сиденье с плюшевой овечкой Лэмби под мышкой.

– Угу. Оно и к лучшему. От этой поездки у нее могла бы остаться травма на всю жизнь. Мы никогда не затащим ее на Башню свободного падения в «Элтон-тауэрс», если она увидит, где мы сейчас.

– Так, я знаю, где ошиблась. Нам надо развернуться и спуститься с холма...

– Горы, – поправил Алекс.

– И повернуть налево у указателя на Катикас. Вот, – Хелена отдала карту Алексу и переключила ручку, давая, как она считала, задний ход. Машина дернулась вперед.

– МАМА! Господи!

– Прости.

Хелена неуклюже развернулась в три приема и вывела машину на дорогу.

– Я думал, ты знаешь это место, – пробормотал Алекс.

– Дорогуша, я была всего на пару лет старше тебя, когда приезжала сюда в последний раз. К твоему сведению, это почти двадцать четыре года назад. Но я уверена, что сориентируюсь, когда мы доберемся до деревни.

– Если доберемся.

– О, перестань ныть! Тебя не влекут приключения? – Хе-

лена с облегчением увидела указатель на Катикас и повернула. – Все окупится, когда мы приедем, вот увидишь.

– Там даже пляжа нет. И я ненавижу оливки. И Чандлеров. Руперт тот еще козе...

– Алекс, прекрати! Не можешь сказать ничего хорошего – просто заткнись и не мешай вести.

Алекс погрузился в угрюмое молчание, пока Хелена заставляла «Ситроен» карабкаться вверх по крутой дороге, досадуя, что самолет задержался и приземлился в Пафосе уже после заката. К тому времени, как они прошли паспортный контроль и взяли напрокат машину, совсем стемнело. Она предвкушала, как поедет в горы, как снова переживет яркие воспоминания детства и увидит их заново глазами собственного отпрыска.

Но жизнь часто не оправдывает ожидания, думала Хелена, особенно когда доходит до жизненно важных воспоминаний. И она сознавала, что память о лете, которое она пятнадцатилетней девочкой провела здесь, в доме крестного, была присыпана волшебным порошком.

И пусть это смехотворно, но ей было надо, чтобы Пандора была такой же идеальной, как ей помнилось. Умом она понимала, что это невозможно, что увидеть ее снова, наверное, будет все равно что встретить первую любовь двадцать четыре года спустя: запечатленную мысленным взором, сияющую силой и красотой молодости, но наяву седеющую и медленно разлагающуюся.

И Хелена знала, что *это тоже возможно...*

Да будет ли он еще там?

Она крепче сжала руль, решительно оттолкнув эту мысль.

Дом, носящий имя Пандора, который в те времена казался особняком, наверняка будет меньше, чем ей помнилось. Старинная мебель, привезенная из Англии Ангусом, ее крестным отцом, еще когда тот возглавлял остатки Британской армии, дислоцированные на Кипре, производила впечатление изысканной, элегантной, недоступной. Кушетки, обитые зеленовато-голубой камкой, в затемненной гостиной (ставни обычно закрыты, чтобы не впускать свет заходящего солнца), георгианский письменный стол в кабинете, где Ангус сидел по утрам, вскрывая письма тоненьким миниатюрным мечом, и громадный обеденный стол красного дерева, гладкая поверхность которого напоминала каток... все стояли в ее памяти, как стражи.

Пандора пустовала уже три года, с тех пор как проблемы со здоровьем вынудили Ангуса вернуться в Англию. Постоянно ворча, что медобслуживание на Кипре ничуть не хуже, а то и лучше, чем государственная служба здравоохранения на родине, даже он нехотя признал, что отсутствие пары надежных ног и постоянные поездки в больницу (сорок пять минут в одну сторону) не особенно приемлемы для жизни в горной деревушке.

В конце концов он сдался и уехал из любимой Пандоры, а шесть месяцев назад умер от пневмонии и тоски. Уже хруп-

кое тело, которое провело большую часть своих семидесяти восьми лет в субтропическом климате, так и не сумело приспособиться к беспросветной влажной серости шотландского пригорода.

Он оставил Хелене, своей крестнице, все – включая Пандору.

Она расплакалась, когда узнала; слезы, смешанные с виной, что она так и не удосужилась почаще навещать его в доме престарелых.

Звонок мобильного из глубин сумочки ворвался в ее мысли.

– Дорогуша, ответь, пожалуйста, – попросила она Алекса. – Это, наверное, папа. Хочет узнать, как мы доехали.

Алекс безуспешно, как обычно, порылся в маминой сумочке и выловил мобильник, как раз когда тот перестал звонить. Он проверил список звонков.

– Это таки был папа. Перезвонить ему?

– Нет. Позвоним, когда доберемся.

– Если доберемся.

– Разумеется, доберемся. Я начинаю узнавать окрестности. Нам осталось не больше десяти минут.

– Была здесь «Таверна Гэри» в ту пору? – осведомился Алекс, когда они миновали светящуюся неоновую пальму перед аляповатым ресторанчиком, заполненным игровыми автоматами и белыми пластмассовыми креслами.

– Нет, но это новая связующая дорога, рассчитанная на

обслуживание проезжающих. В мое время к деревне вела дорога чуть лучше грунтовок.

– В той кормушке есть «Скай-ТВ». Может, сходим как-нибудь вечером? – спросил он с надеждой.

– Возможно, – представление Хелены о сладостных вечерах, которые они будут проводить на чудесной террасе Пандоры с видом на оливковые рощи, попивая местное вино и лакомясь сорванным прямо с ветки инжиром, не включало телевидение или неоновые пальмы.

– Мама, насколько примитивен дом, куда мы направляемся? В смысле, электричество там есть?

– Конечно есть, глупыш. – Хелена молилась, чтобы его переключили на местную жительницу, у которой хранились ключи. – Послушай, мы как раз поворачиваем в деревню. Еще несколько минут, и мы на месте.

– Наверное, я мог бы доехать до того бара на велосипеде, – пробормотал Алекс, – если было бы на чем.

– Я ездила до деревни из дома почти каждый день.

– Это был велосипед-паук?

– М-да, очень смешно! Это был старомодный дорожный велосипед с тремя передачами и корзиной спереди. – Хелена улыбнулась воспоминанию. – Я забирала хлеб из пекарни.

– Вроде того велосипеда, на каком ведьма в «Волшебнике из страны Оз» проезжает мимо окна Дороти?

– Точно. А теперь тихо, не мешай. Из-за новой дороги мы подъезжаем с другого конца улицы, и мне надо сориентиро-

ваться.

Впереди уже были видны огни деревни. Хелена притормозила, когда дорога начала сужаться и под колесами зашкрякала щебенка. Наконец по обеим сторонам дороги выстроились дома из светлого кипрского камня.

– Смотри, вон впереди церковь, – Хелена указала на здание, которое было душой маленькой общины Катикас. Во внутреннем дворике несколько юнцов облепили скамейку, на которой лениво развалились две темноглазые девочки. – Это центр деревни.

– Настоящее злчное место, сразу видно.

– По-видимому, за прошедшие несколько лет здесь открылась пара хороших таверн. И смотри, вон магазин. Они расширились на соседний дом. Здесь продается абсолютно все, что можно пожелать.

– Я загляну за самыми последними дисками «Олл американ риджектс», хорошо?

– Ну знаешь! – терпение Хелены лопнуло. – Все уже поняли, что ты не хотел ехать, но ради бога, ты еще даже не видел Пандору. По крайней мере, дай ей шанс – ради меня, если не ради себя самого!

– Ладно. Прости, мама, прости.

– Деревня когда-то была очень живописной, и, судя по тому, что я вижу, это не сильно изменилось, – сказала Хелена с облегчением. – Но завтра мы могли бы отправиться на разведку.

– Мама, мы уже выезжаем из деревни, – нервно заметил Алекс.

– Да. Тебе сейчас не видно, но с обеих сторон у тебя виноградники. Когда-то фараоны возили отсюда вино в Египет – таким хорошим оно было. Вот наш поворот, я уверена. Держись крепко. Эта дорога довольно тряская.

Оказавшись на разбитой грунтовке, петляющей среди виноградников, Хелена переключилась на первую передачу и включила дальний свет, чтобы преодолеть коварные ухабы.

– И ты ездила здесь на велосипеде каждый день? – удивился Алекс. – Ого! Удивительно, что ты не оказалась в винограде.

– Иногда оказывалась, но тут надо знать, где худшие места. – Хелену, как ни странно, успокоило, что ухабы никуда не делись. Она боялась асфальта.

– Мы почти приехали, мамочка? – раздался сонный голос с заднего сиденья. – Очень трясет.

– Да, дорогуша, почти. Буквально еще несколько секунд. Да, почти...

Смесь возбуждения и смятения струилась в крови Хелены, когда они свернули на узкую дорожку и впереди показался темный массивный силуэт Пандоры. Машина въехала в ржавеющие кованые ворота, неизменно открытые все эти годы и теперь уже почти наверняка неспособные двигаться.

Хелена остановилась и выключила двигатель.

– Приехали.

Никто из двоих детей не отозвался. Оглянувшись, она увидела, что Имми снова уснула. Алекс сидел рядом, глядя прямо перед собой.

– Пусть Имми поспит, а мы поищем ключ. – Хелена открыла дверцу, и ее окутал теплый ночной воздух. Выбравшись, она остановилась и вдохнула полузабытый крепкий запах олив, винограда и пыли – бесконечно далеко от асфальтовых дорог и неоновых пальм. Воистину, обоняние – *самое* сильное из чувств, подумала она. Оно воссоздает какой-либо особенный момент, атмосферу, с ювелирной точностью.

Хелена удержалась и не спросила Алекса, что он думает о доме, потому что думать еще было *нечего* и она не вынесла бы отрицательной реакции. Они стояли в полном мраке позади Пандоры с заколоченными, как в военном городке, ставнями.

– Ужасно темно, мама.

– Я снова включу фары. Ангелина сказала, что оставит заднюю дверь открытой. – Хелена потянулась в машину и включила свет. Потом подошла к двери, Алекс следом. Латунная ручка легко повернулась, Хелена толкнула дверь и нащупала выключатель. И, задержав дыхание, нажала. Прихожую внезапно залило светом.

– Слава богу, – пробурчала она, открывая еще одну дверь и щелкая выключателем. – Это кухня.

– Вижу. – Алекс прошелся по большой душевой комнате, вмещавшей раковину, древнюю духовку, большой деревян-

ный стол и кухонный буфет во всю стену. – Здесь очень примитивно.

– Ангус редко сюда навещался. Всеми домашними делами занималась домработница. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни готовил сам. Кухня была практически местом работы, а не зоной комфорта, как в наши дни.

– Где же он ел?

– На террасе, разумеется. Здесь все так делают, – Хелена повернула кран. Струйка воды сначала неохотно брызнула, потом превратилась в поток.

– Здесь, кажется, нет холодильника, – заметил Алекс.

– Он в кладовой. Ангус так часто принимал здесь гостей, а до Пафоса так долго ехать, что он установил холодильную установку внутри кладовой. И скажу сразу: нет, в те времена здесь не было морозильника. Дверь слева от тебя. Пойди проверь, там ли еще холодильник, хорошо? Ангелина сказала, что оставит нам молоко и хлеб.

– Конечно.

Алекс ушел, а Хелена, включив по дороге свет, прошла в главный коридор в передней части дома. Ее шаги гулко отдавались от потертых каменных плит, уложенных в шахматном порядке. Она посмотрела на парадную лестницу – тяжелые резные перила сооружены искусными мастерами из дуба, который, как она помнила, Ангус специально привез из Англии. Позади нее, словно часовые, стояли старинные часы, но больше не тикали.

«Время здесь остановилось», – подумала она, открывая дверь в гостиную.

Голубые камчатые кушетки были покрыты чехлами. Хелена стянула один и опустилась в пуховую мягкость. Ткань, все еще безупречно чистая, казалась хрупкой под пальцами, словно ее материя медленно истиралась. Хелена встала и подошла к одному из двух французских окон, выходящих на переднюю часть дома. Открыла деревянные ставни, защищавшие комнату от солнца, отомкнула тугую железную ручку и вышла на террасу.

Алекс нашел ее там несколько секунд спустя.

– Судя по звукам, у холодильника тяжелый приступ астмы, – сказал он, – но молоко, яйца и хлеб в нем есть. И нам определенно хватит вот этого, это уж точно, – Алекс помахал перед ней огромной розовой палкой салями. Хелена не ответила. Сын облокотился на балюстраду рядом с матерью. – Красивый вид, – добавил он.

– Впечатляюще, правда? – она улыбнулась, радуясь, что ему нравится.

– Крохотные огоньки там внизу – это побережье?

– Да. Утром ты увидишь за ним море. А еще оливковые рощи и виноградники, уходящие вниз в долину, и горы с обеих сторон. Вон там в саду есть великолепная олива, очень старая. По преданию, ей больше четырехсот лет.

– «Старица»... как и все здесь, – Алекс посмотрел вниз, потом налево и направо. – Это место, оно очень, э-э-э, на

отшибе, да? Я не вижу других домов.

– Я думала, здесь могли все застроить, как на побережье, но нет. – Хелена повернулась к сыну: – Обними меня, дорогуша, – она обвила его руками. – Я так рада, что мы здесь.

– Я рад, что ты рада. Если ты не против, давай сходим за Имми? Я боюсь, что она проснется, испугается и убежит куда-нибудь. А я умираю от голода.

– Давай сначала сбегает наверх и найдем, где ее уложить. Потом я попрошу тебя помочь мне отнести ее в спальню.

Хелена повела Алекса обратно через террасу, помедлив под увитой виноградом перголой, предоставляющей желанное укрытие от полуденного солнца. Длинный чугунный стол – белая краска облупилась, поверхность покрыта гниющими виноградными листьями – все еще одиноко стоял под ней.

– Вот здесь мы ели днем и по вечерам. И все должны были одеваться прилично. Купальники или мокрые плавки за столом Ангуса не позволялись, как бы жарко ни было, – добавила она.

– Ты же не заставишь нас одеваться как тогда, да, мама?

Хелена взъерошила густые волосы сына и поцеловала его в макушку.

– Я буду считать, что мне повезло, если сумею хотя бы собрать вас всех за столом, что бы вы ни носили. Как изменились времена, – вздохнула она, потом протянула ему руку. – Идем разведаем, что там наверху.

Уже ближе к полуночи Хелена наконец устроилась на маленьком балконе в спальне Ангуса. Имми крепко спала на огромной кровати из красного дерева. Хелена решила, что завтра устроит дочь в одной из комнат с двумя кроватями – когда найдет, где хранится постельное белье. Алекс улегся прямо на голом матрасе в одной из комнат дальше по коридору. Он закрыл все ставни, чтобы защититься от комаров, – пусть даже в результате комната превратилась в настоящую сауна. Ночь была совершенно безветренной.

Хелена залезла в сумочку, вытащила мобильник и мятую пачку сигарет. Положила оба предмета на колени и уставилась на них. Сначала сигарета, решила она. Ей не хотелось, чтобы чары рассеивались. Она знала, что Уильям, ее муж, не скажет специально ничего, что вернет ее обратно к реальности, но, скорее всего, так и будет. И в этом не будет его вины, ведь совершенно логично рассказать жене, приходил ли мастер починить посудомойку, и спросить, куда она спрятала мусорные пакеты, потому что завтра вывозят мусор и его надо вынести. Конечно, она же будет рада услышать, что у него все под контролем.

Да... она будет рада. Просто не *сейчас*...

Хелена закурила, вдохнула дым и задумалась, почему есть что-то такое чувственное в курении жаркой средиземно-

морской ночью. Ее самая первая затяжка случилась всего в нескольких ярдах от места, где она сидела сейчас. Тогда она виновато наслаждалась нарушением закона. Двадцать четыре года спустя она все так же чувствовала себя виноватой, мечтая избавиться наконец от этой привычки. Тогда она была слишком молода, чтобы курить; теперь, под сорок, слишком стара. Эта мысль вызвала улыбку. История ее молодости – между последним разом, когда в этом доме она выкурила первую сигарету, и сегодняшним вечером.

Тогда было столько надежд, перед ней раскинулась взрослая жизнь. Кого она полюбит? Где будет жить? Куда уведет ее талант? Будет ли счастлива?...

И теперь почти на все эти вопросы были получены ответы. – Пожалуйста, пусть этот отпуск будет близок к идеалу, – прошептала она дому, луне и звездам. Последние несколько недель ее охватило какое-то чувство обреченности, которое она, как ни пыталась, просто не могла стряхнуть. Вероятно, из-за того, что быстро приближалась круглая дата... или просто потому, что она знала, что возвращается *сюда*...

Хелена уже чувствовала, как волшебная атмосфера Пандоры охватывает ее, будто дом счищает с нее защитные слои и обнажает до самой души. Совсем как в прошлый раз.

Погасив недокуренную сигарету и выбросив окурки в ночь, она взяла телефон и набрала домашний номер в Англии. Уильям ответил на втором гудке.

– Привет, дорогуша, это я, – сказала она.

– Значит, вы прибыли благополучно? – спросил он, и Хелена мгновенно успокоилась, услышав его голос.

– Да. Как дела дома?

– Прекрасно. Да, прекрасно.

– Как там трехлетний террорист-стажер? – спросила она с улыбкой.

– Фред наконец-то утомился, слава богу. Он очень сердит, что вы все уехали и бросили его со стариком отцом.

– Я скучаю по нему. Вроде бы, – Хелена тихо рассмеялась. – Но по крайней мере, когда со мной только Алекс и Имми, у меня будет шанс привести дом в порядок до того, как вы с ним приедете.

– Дом пригоден для жилья?

– Думаю, да, но утром разгляжу получше. Кухня очень примитивная.

– Кстати о кухне: сегодня приходил мастер для посудомойки.

– Правда?

– Да. Все починил, но за такие деньги мы вполне могли бы купить новую.

– Да уж. – Хелена сдержала улыбку. – Мусорные пакеты во втором ящике слева от раковины.

– Я собирался спросить, где они лежат. Мусорщики придут завтра, ты же знаешь. Позвонишь утром?

– Обязательно. Крепко целую Фреда и тебя. Пока, дорогуша.

– Пока. Спокойной ночи.

Хелена посидела еще немного, глядя на восхитительное ночное небо – усыпанное мириадами звезд, которые, кажется, сияли здесь гораздо ярче, – и почувствовала, как волна утомления сменяет адреналин. Она тихо скользнула в комнату и легла рядом с Имми. И в первый раз за много недель сразу же уснула.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 июля 2006 года

Я слышу его. Кружится где-то надо мной в темноте, точит зубы, готовясь закусить.

Мною.

У комаров есть зубы? Наверное, иначе как бы они вгрызались в кожу? Однако когда я достигаю главной цели и ухитряюсь раздавить одного из мелких мерзавцев о стену, хруста не слышно, только хлюпанье. Нет треска ломающейся эмали, какой я услышал, когда в четыре года свалился с лазалки и сломал передний зуб.

Иногда им хватает наглости спуститься и зудеть прямо над ухом, предупреждая, что тебя сейчас будут есть. И ты лежишь, размахиваешь руками, а они, невидимые, танцуют над тобой, возможно истерически хихикая над горемычной жертвой.

Я вытаскиваю из рюкзака Би и кладу под простыню рядом с собой. Он будет в полном порядке, потому что ему не надо дышать. Кстати сказать, это плюшевый кролик, мой ровесник. Его зовут Би, в честь кролика Банни. Так я назвал его, когда был совсем крохой (по словам мамы, это было одно из моих первых слов), и имя прижилось.

Еще мама сказала, что «кое-кто особенный» подарил его мне, когда я родился. Думаю, она, наверное, имеет в виду отца. И пусть это совсем не круто – в тринадцать лет спать с древним плюшевым кроликом, – мне плевать. Би – мой талисман, моя поддержка и мой друг. Я рассказываю ему все.

Я часто думал, что если бы кто-нибудь смог собрать и расспросить все миллиарды мягких игрушек-утешителей, от них можно было бы узнать о ребенке, с которым они спят, гораздо больше, чем от родителей. Хотя бы потому, что они по-настоящему слушают, не перебивая.

Как могу, прикрываю обнаженные части тела (особенно толстые щеки, которые обеспечили бы комару завтрак, ланч и ужин в один присест) различными предметами одежды.

Наконец я засыпаю. Мне так кажется. То есть я надеюсь, что это сон, потому что я в горячей печи, языки пламени лижут тело, от жара оплавленная плоть стекает с костей.

Просыпаюсь в темноте, осознаю, что не могу дышать, и обнаруживаю, что лицо накрыто трусами... вот почему темно и невозможно дышать. Сбрасываю их, жадно хватаю ртом воздух и вижу полосы света сквозь ставни.

Утро. Я весь в поту, но оно того стоило, если этот мелкий зудящий мерзавец не добрался до меня.

Отклеиваю себя от матраса, срывая с тела промокшую одежду. Над комодом висит маленькое мутное зеркало, и я ковыляю к нему, чтобы осмотреть лицо. И вижу огромный красный след укуса на правой щеке.

Ругаюсь, используя слова, которые очень не понравились бы маме, и пытаюсь понять, как этот гад ухитрился пробраться под трусы. Но все комары состоят в спецназе и в совершенстве владеют искусством проникновения на охраняемые объекты.

Не только место укуса – все лицо красное, краснее самых красных яблок. Я поворачиваюсь к окнам, открываю ставни и, жмурясь как крот, выхожу на маленький балкон. Жар утреннего солнца опалает, как печка из сна.

Когда зрение приспособливается, вижу, что вид изумительный – точно как обещала мать. Мы где-то очень высоко, прилепились к горному склону. Желтый, коричневый и оливково-зеленый ландшафт подо мной пересохший и страдает от жажды, как я. Где-то далеко-далеко мерцает на солнце синее море. Потом я опускаю взгляд и сосредотачиваюсь на маленькой фигурке на краю террасы.

Мать использует балюстраду как балетный станок. Золотистые волосы струятся вниз, когда она прогибается назад, как акробатка, мне видны четко выступающие под трико ребра. Она занимается балетными экзерсисами каждое утро. Даже на Рождество или после очень долгой ночи и нескольких бокалов вина. Собственно, в тот день, когда она перестанет, я буду знать, что с ней что-то стряслось. У других детей шоколадные хлопья и тосты на завтрак с прямостоячими родителями. Меня мать просит поставить чайник, глядя на меня снизу вверх, изогнувшись в мостик.

Как-то она пыталась уговорить меня заняться балетом. Это единственное, в чем мы определенно не похожи.

Внезапно мне невероятно, невыносимо хочется пить. И мне дурно. Мир слегка кружится, я вваливаюсь в комнату, падаю на матрас и закрываю глаза.

Похоже на малярию. Не иначе как тот комар загубил меня и мне осталось жить несколько часов.

Что бы то ни было, мне срочно нужны вода и мать.

В Два

– Обезвоживание. Вот и все. Растворите содержимое этого пакетика в воде и дайте ему раствор сейчас и еще раз перед сном. И пейте побольше жидкости, молодой человек.

– Доктор, вы уверены, что это не малярия? – Алекс подозрительно смотрел на тщедушного киприота. – Не скрывайте от меня правду.

– Разумеется, не малярия, Алекс, – раздраженно бросила Хелена. Потом повернулась к врачу, закрывавшему медицинскую сумку. – Спасибо, что приехали так быстро, и простите, что пришлось вас потревожить. – Она проводила его из спальни и повела вниз на кухню. – Он был словно в бреду. Я перепугалась.

– Разумеется! Это естественно, и ничего страшного. Я много лет лечил полковника Макклэддена. Его смерть... так печально... – Он пожал плечами и подал Хелене визитную карточку. – На случай, если я снова понадобится. В будущем вам лучше посетить мой кабинет. Боюсь, сегодня я должен запросить с вас плату за вызов.

– Ой, сомневаюсь, что мне хватит наличных. Я собиралась позже зайти в банк в деревне, – смущенно ответила Хелена.

– Неважно. Мой кабинет там по соседству. Просто оставьте деньги у секретаря.

– Спасибо, доктор, Обязательно.

Он вышел через парадную дверь, и Хелена следом. Потом доктор обернулся и посмотрел на дом.

– Пандора, – задумчиво произнес он. – Вы, наверное, слышали миф?

– Да.

– Такой чудесный дом, но, как шкатулка из легенды, в честь которой его назвали, закрытый много лет. Интересно, не вам ли суждено ее открыть? – он лукаво улыбнулся, показывая ровные белые зубы.

– Надеюсь, не так, чтобы все беды и несчастья мира могли разлететься, – усмехнулась Хелена. – Вообще-то, теперь это мой дом. Ангус был моим крестным. И оставил дом мне.

– Ясно. И вы будете любить его, как любил он?

– О, я уже люблю. Подростком я приезжала сюда и никогда его не забывала.

– Тогда вы знаете, что этот дом – старейший в наших краях. Говорят, будто тысячи лет назад здесь уже жили люди. Будто Афродита и Адонис однажды пришли попробовать вино и провели здесь ночь. В деревне много болтают...

– О доме?

– Да, – он посмотрел ей прямо в глаза. – Вы очень сильно напоминаете мне другую леди, которую я как-то встретил здесь, в Пандоре, много лет назад.

– Правда?

– Она гостила у полковника Макклэддена, и меня вызва-

ли к ней. Она была красавица, как и вы, — улыбнулся он. — Так вот, проследите, чтобы мальчик пил побольше жидкости. *Adio, мадам.*

— Обязательно. До свидания. И спасибо вам.

Он уехал в облаке меловой пыли. Хелена смотрела ему вслед, потом подняла взгляд на Пандору, и, несмотря на обжигающую жару, по спине пробежал холодок, и ее снова охватил странный трепет. Она заставила себя сосредоточиться на составленном в уме списке. Первым делом следовало проверить состояние бассейна, так что Хелена быстро обошла дом и пересекла террасу, отметив, что ее украсят какие-нибудь яркие растения в ныне пустующих каменных урнах, и добавила эту задачу к мысленному списку. Бассейн, куда с террасы вели разбитые ступени, с виду был на удивление в хорошем состоянии, но, безусловно, понадобятся чуть ли не годы, чтобы вычистить въевшуюся грязь, прежде чем им можно будет пользоваться.

Повернувшись, чтобы вернуться в дом, Хелена глянула вверх, заметив, насколько по-другому Пандора выглядит в этом ракурсе. Главный вход производил довольно аскетичное впечатление, без каких-либо украшений, но фасад был положительно живописным. Его не только смягчала длинная терраса с перголой — к окну каждой спальни был приторочен вычурный кованый балкончик а-ля Джульетта, создавая причудливое впечатление виллы в итальянском стиле. Хелена удивилась, почему об этом не помнила, но потом сообра-

зила, что после своего последнего пребывания здесь прожила несколько лет в Италии и теперь могла сравнивать.

Она вернулась в дом и поднялась в спальню Имми. Дочь стояла перед зеркалом в своем парадном розовом платье. Хелена не удержалась от улыбки, незаметно наблюдая, как малышка Имми любит себя, крутится, перекидывая великолепные льняные волосы то так, то эдак и с удовольствием окидывая отражение взглядом больших невинных голубых глаз.

– Мне казалось, я оставила тебя разбирать вещи, дорогуша.

– Я разобрала, мамочка. – Досадливо вздохнув, Имми оторвалась от зеркала и махнула рукой, показывая, что одежда, раскиданная по всей комнате, больше не в чемодане.

– Я имела в виду разобрать по *ящикам*, а не разбросать. И сними это платье. Его сейчас нельзя носить.

– Почему нельзя? – Имми надула розовые губки. – Оно мое любимое.

– Я знаю, но оно для праздника, а не для того, чтобы бегать в жару по пыльному старому дому.

Имми наблюдала, как мать собрала ее одежду в кучу на постели и начала раскладывать.

– И вообще, в ящиках странно пахнет.

– Это запах старины, – возразила Хелена. – Мы оставим их открытыми, они проветрятся, и все будет прекрасно.

– Что мы сегодня будем делать? Здесь в телевизоре есть

«Канал Диснея»?

– Я... – Время приближалось к полудню, и от утра осталось смазанное пятно панических поисков врача для явно бредящего сына. Хелена буквально упала на постель, внешне тоже затосковав по «Каналу Диснея». – У нас сегодня слишком много дел, дорогуша, и нет, здесь нет телевизора.

– А его нельзя купить?

– Нет. – Хелена тут же пожалела о своей резкости. Имми была такой хорошей и по дороге сюда, и сегодня утром, тихо играя в одиночестве. Хелена потянулась к дочери и прижала к себе. – Мамочке просто надо кое с чем разобраться, и потом мы отправимся на разведку, ладно?

– Да, но я, может быть, немножко голодная. Я не завтракала.

– Раз ты не завтракала, то, думаю, нам лучше побыстрее отправиться за покупками. Я только проведу Алекса, а потом мы отправимся.

– Я знаю, мамочка! – лицо Имми засветилось. Она слезла с колен Хелены и начала рыться в маленьком рюкзачке, который брала с собой в самолет. – Я сделаю Алексу открытку «Поправляйся!», чтобы подбодрить его.

– Чудесная идея, дорогуша, – согласилась Хелена. Имми триумфально помахала бумагой и фломастерами.

– Или... – Имми задумчиво сунула в рот ручку. – Если он не поправится, я могла бы собрать цветы, чтобы положить на его могилу?

– Могла бы, но уверяю тебя, он не умрет, так что, по-моему, идея с открыткой получше.

– О. Он сказал, что умирает, когда я зашла к нему утром.

– Ну, это он преувеличил. Начинай рисовать открытку, а я вернусь через пару минут.

Хелена вышла в коридор и направилась в комнату Алекса, отчасти желая, чтобы сын превратился в *нормального* подростка из тех, что носят худи, обожают футбол, девочек и болтаться по вечерам в торговых центрах с корешами, пугая бабулек своими выходками. Вместо этого у него был запредельный IQ, что звучало хорошо в теории, но на практике вызывало больше проблем, чем его высоковольтный мозг мог решить. Он вел себя скорее как старик, чем как подросток.

– Как ты? – она осторожно заглянула в комнату. Алекс лежал в трусах, закинув одну руку на лоб.

– М-м-м, – раздалось в ответ.

Хелена присела на край постели. Древний вентилятор, который она пока притащила из спальни Ангуса, чтобы остудить горячий лоб сына, лязгал, вращаясь с натугой.

– Не лучшее начало, а?

– Не-а, – Алекс не открыл глаза. – Прости, мам.

– Я поеду с Имми в деревню, чтобы купить кое-какие продукты и заплатить доктору. Обещаешь пить много воды, пока меня нет?

– Угу.

– Хочешь чего-нибудь?

– Что-нибудь от комаров.

– На самом деле, дорогуша, кипрские комары абсолютно безвредны.

– Я их ненавижу независимо от гражданства.

– Ладно, найду тебе что-нибудь. И, если завтра тебе полегчает, поедem в Пафос. У меня целый список покупок, включая вентиляторы для всех спален, постельное белье, полотенца, новый холодильник с морозилкой и телевизор с DVD-плеером.

Алекс открыл глаза.

– Правда? Я думал, телевизор здесь снят с повестки дня?

– По-моему, DVD-плеер как раз пригодится для Имми и Фреда, особенно жаркими вечерами.

– Ого, жизнь налаживается.

– А то. – Хелена улыбнулась сыну. – Сегодня отдыхай, и надеюсь, завтра ты будешь готов к поездке.

– Уверен, я буду в порядке. Это же всего лишь обезвоживание, да?

– Да, дорогуша, – она поцеловала его в лоб. – Постарайся поспать.

– Обязательно. И прости за бред насчет малярии.

– Ничего. Пока.

Хелена спускалась вниз, когда на кухне зазвонил мобильник. Пробежав по коридору, она успела вовремя.

– Алло?

– Хелена, ты? Это Джулз. Как вы?

– Нормально, да, мы нормально.

– Здорово. Как дом?

– Чудесно. Совсем такой, как я помнила.

– Двадцать четыре года спустя? Боже, надеюсь водопровод с тех пор обновили!

– Вообще-то, нет. – Хелена не могла отказать себе в удовольствии мягко поддразнить Джулз. – Здесь определенно нужны косметический ремонт и пара новых сидений в сортирах, но трубы, по-моему, исправны... не текут, по крайней мере.

– И на том спасибо. Рада, что крыша не упадет на головы, пока мы спим.

– Кухню тоже не помешало бы осовременить, – добавила Хелена. – Думаю, мы будем больше пользоваться мангалом, чем духовкой. Честно говоря, возможно, это не то, к чему ты привыкла.

– Как-нибудь справимся. И разумеется, я привезу с собой постельное белье. Ты же знаешь, я так и так предпочитаю свое. Если тебе надо что-нибудь еще, только скажи.

– Спасибо, Джулз, обязательно. Как дети?

– О, Рупс и Виола нормально, но я потратила, кажется, несколько недель на вручение призов, речи заведующих и раскляканную клубнику. Саша ухитрился отвертеться от всего этого, везучий негодник.

– Ясно. – Хелена знала, что Джулз втайне любит такую

жизнь. — Как Саша? — вежливо спросила она.

— Работает все часы, какие посылает Господь, пьет слишком много... ты же его знаешь. Последние несколько недель я его почти не вижу. Господи, Хелена, боюсь, мне надо бежать. У нас тут сегодня званый ужин, так что я просто сама не своя.

— Значит, увидимся через несколько дней.

— Обязательно. Не слишком опережай меня с загаром, ладно? Здесь льет как из ведра. Сiao, дорогуша.

— Сiao, — убитым голосом пробормотала Хелена, сбрасывая звонок, и положила телефон на кухонный стол. — О господи, — простонала она, всей душой жалея, что поддалась на пору Джулз, захотевшей приехать на две недели. Она использовала все отговорки, какие могла придумать, но Джулз просто не слушала возражений. В итоге четверо членов семейства Чандлер: Джулз, двое детей и муж Саша — должны были нагрянуть в Пандору через неделю.

И Хелена знала, что обо всех своих опасениях насчет приезда Чандлеров она должна помалкивать. Саша был лучшим и старейшим другом Уильяма, его дочь Виола была крестницей Уильяма. Ей оставалось только смириться с ситуацией.

«Как я справлюсь?...» — Хелена помахала на себя в удушяющей жаре, окидывая кухню и ее плачевное состояние орлиным взором Джулз и зная, что не вынесет критики. Взяла забытую вчера ночью на кухонном столе резинку, скрутила волосы и завязала узлом на макушке, упиваясь внезапной

прохладой на открытой шее.

«Справляюсь, – сказала она себе. – Должна».

– Мы уже едем? – спросила за спиной Имми. – Я есть хочу. Можно мне в ресторане жареную картошку с кетчупом? – маленькие ручки обхватили мать за талию.

– Да, едем. – Хелена встала, обернулась и выжала слабую улыбку. – И да, можно.

* * *

Полуденное солнце палило через окна машины, которую Хелена вела по дороге, петляющей среди виноградников. Имми противозаконно стояла на коленях на переднем сиденье рядом с ней – ремень висел поперек, напоминая бесформенный модный аксессуар, – и смотрела в окно.

– Мамочка, можем мы остановиться и нарвать виноград?

– Да, давай, хотя вкус будет не такой, как у нормального винограда. – Хелена остановила машину, и они обе вышли.

– Вот, – Хелена нагнулась и из-под веера виноградных листьев показала тугую гроздь красновато-лилового винограда. Она отломил гроздь с ветки и сорвала несколько ягод.

– Их можно есть, мамочка? – спросила Имми, с сомнением глядя на них. – Они ведь не из супермаркета.

– Они еще не очень сладкие, потому что не дозрели. Но смелее, попробуй одну, – подбодрила ее Хелена, кладя ягоду себе в рот.

Белые зубки Имми с опаской впились в плотную кожуру.

– Они ничего. Наверное. Можем мы взять немножко для Алекса? Больные любят виноград.

– Хорошая идея. Мы возьмем две грозди. – Хелена начала отламывать еще одну гроздь, потом выпрямилась, инстинктивно почувствовав, что за ней наблюдают. У нее перехватило дыхание: он стоял всего в двадцати ярдах и смотрел на них.

Хелена заслонила глаза от слепящего солнца, вопреки здравому смыслу надеясь, что ей мерещится, потому что это не мог быть он... просто не мог...

Но это был он – точно такой, каким она его помнила, и стоял почти на том же месте, где она увидела его впервые двадцать четыре года назад.

– Мапочка, кто это? Почему он на нас смотрит? Это потому, что мы украли виноград? Нас отправят в тюрьму? *Мапочка?! – Хелена стояла как вкопанная, мозг тщетно пытался осмыслить бессмыслицу, которую показывало зрение.*

Имми дернула ее за руку.

– Ну же, мамочка, быстро, пока он не привел полицию!

Хелена с трудом оторвала взгляд от его лица и позволила Имми утащить себя к машине. Девочка сама забралась на пассажирское сиденье и выжидаяще села рядом с матерью.

– Ну давай же. Поехали, – приказала Имми.

– Да, прости. – Хелена на автомате нашла зажигание и повернула ключ.

– Кто это был? – спросила Имми, когда машина снова запрыгала по дороге. – Ты его знаешь?

– Нет, я... не знаю.

– А мне показалось, будто знаешь. Он очень высокий и красивый, как принц. Солнце стояло, как корона у него на голове.

– Да. – Хелена сосредоточилась на преодолении дороги среди виноградников.

– Интересно, как его зовут?

Алексис...

– Не знаю, – прошептала она.

– Мамочка?

– Что?

– Мы так и не взяли виноград для Алекса.

* * *

Деревня изменилась удивительно мало по сравнению с уродливой Страной Лего, беспорядочно выросшей на побережье. Узкая главная улица была пыльной и безлюдной, жители прятались в прохладных каменных домах, избегая палящего солнца, царившего в самой вышине над ними. В единственном магазине добавился прокат DVD, что, как знала Хелена, порадует Алекса, но, не считая пары новых баров, все остальное выглядело почти как прежде.

Заглянув в банк, а затем отдав немного наличности сек-

ретарю доктора по соседству, Хелена повела Имми на ланч в симпатичный внутренний дворик таверны «У Персефоны». Они сидели в тени оливы, и Имми очаровало семейство тощих котят, которые вились вокруг ее ног, жалобно мяукая.

– Ой, мамочка, можем мы забрать одного домой? Пожалуйста, пожалуйста, – умоляла Имми, скармливая котенку последний кусочек жареной картошки.

– Нет, дорогуша. Они живут здесь со своей мамочкой, – твердо ответила Хелена. Дрожащей рукой она поднесла к губам бокал местного молодого вина. Вкус не изменился: чуть кисловатый и в то же время сладкий – как ей всегда помнилось. Она словно провалилась в зазеркалье, обратно в прошлое...

– Мамочка! Так можно мне мороженое или нет?

– Прости, дорогуша, я замечталась. Конечно, можно.

– Как ты думаешь, у них здесь есть «Фиш фуд» от «Бен энд Джерри»?

– Сомневаюсь. Думаю, только простые ванильное, клубничное или шоколадное, но давай спросим.

Имми призвала юного официанта, они договорились о мороженом, а для Хелены заказали кипрский кофе и немного сахара, чтобы разбавить бокал вина.

Через двадцать минут они вышли из таверны и по пыльной улице направились к машине.

– Мамочка, смотри, вон монахини сидят, – Имми указала в сторону церкви. – Им, наверное, очень жарко в таких

платьях.

– Это не монахини, Имми, это деревенские старушки. Они носят черное, потому что их мужья умерли и их называют вдовами, – объяснила Хелена.

– Они носят черное?

– Да.

– А розовое? Хоть когда-нибудь?

– Нет.

Имми пришла в ужас.

– Мне ведь не надо будет так делать, когда мой муж умрет, правда?

– Нет, дорогуша. На Кипре такая традиция, вот и все.

– Ну, тогда я никогда не перееду сюда, – заявила Имми и побежала к машине.

Они вернулись в Пандору с багажником, нагруженным провизией. Алекс встретил их у задней двери.

– Привет, мама.

– Привет, дорогуша, тебе лучше? Можешь помочь мне с этими пакетами?

Алекс помог Хелене разгрузить багажник и забрал пакеты на кухню.

– Уф, ну и жара. – Она вытерла лоб. – Мне надо выпить воды.

Алекс нашел стакан, открыл холодильник и налил холодной воды из кувшина.

– Держи.

– Спасибо. – Хелена благодарно выпила.

– Пойду наверх, отдохну. Все еще голова покруживается, – объявил Алекс.

– Ладно. Спустишься потом на ужин?

– Да. – Он пошел к двери, потом остановился и обернулся. – Кстати говоря, тут к тебе кое-кто пришел.

– Правда? Почему ты не сказал мне сразу, когда я пришла?

– Он на террасе. Я говорил, что не знаю, когда ты вернешься, но он настаивал, что подождет.

Хелена с трудом сохранила нейтральное выражение на лице.

– Кто это?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Алекс. – Кажется, он тебя знает.

– Seriously?

– Да. По-моему, он сказал, что его зовут Алексис.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 июля (продолжение)

Стою у окна спальни и подсматриваю из-за ставней, чтобы меня не было видно с террасы.

Я наблюдаю за человеком, который пришел встретиться с матерью. Прямо сейчас он нервно расхаживает взад и вперед, засунув руки в карманы. Высокий, хорошо сложенный, загорелая кожа орехово-коричневая. Густые черные волосы слегка серебрятся на висках, но он определенно не старый. Я бы предположил, что он, наверное, чуть старше мамы. И моложе отчима.

Увидев его вблизи, я обратил внимание, что у него синие, очень синие глаза, так что, вероятно, он не киприот. Если только, конечно, не носит цветные контактные линзы, в чем я сомневаюсь. Вывод: все вместе это означает, что он определенно очень хорош собой.

Смотрю, как мать выплывает на террасу. Она идет так грациозно, что ноги будто не касаются земли, потому что верхняя часть туловища не двигается, только ноги. Останавливается в нескольких футах от него, опустив руки по бокам. Я не вижу ее лица, но вижу его. И вижу, как на нем проступает выражение чистого восторга.

Сердце колотится быстрее, и я знаю, что это уже не от обезвоживания. Или малярии. Это от страха.

Они оба молчат. Стоят, не сходя с места, кажется, несколько часов, словно упиваясь друг другом. Во всяком случае, такое впечатление, что он не прочь выпить маму. Потом он протягивает руки, подходит и останавливается перед ней. Берет ее маленькие ручки в свои большие и почтительно целует их, словно святыню.

Фу, как пошло. Не хочу смотреть, но не могу отвернуться.

Наконец он останавливает хрень с губами-руками, потом обхватывает мать мускулистыми руками и обнимает ее. Она такая крохотная и беленькая на фоне его темной силы, что напоминает мне фарфоровую куклу, которую душит в объятиях большой бурый медведь. Ее голова откинута назад под странным углом, когда он прижимает ее к огромной грудной клетке. Его локти, кажется, обхватывают ее шею, и я только надеюсь, что голова не отломится, как однажды у фарфоровой куклы Имми.

Наконец, когда в глазах уже начинает темнеть оттого, что я задерживал дыхание так долго, он отпускает ее, и я хватаю ртом воздух. Слава богу. Не поцеловались, потому что это было бы уже просто запредельно.

Но это еще не конец.

Ему все еще необходимо держаться за какую-либо часть ее анатомии, и потому он снова берет ее за руку. Ведет к увитой виноградом перголе, и они исчезают под ней, пропадая

из виду.

Черт! Я медленно возвращаюсь к постели и бросаюсь на нее.

Кто он? И кто он *ей*?

Я знал, как только увидел его на террасе, – стоит будто хозяин, явно кто-то важный. Мне позвонить папе? Ну, то есть папа мне не папа, но другого у меня никогда не было. Я знал, что когда-нибудь он для чего-то пригодится.

Папа, понятно, не обрадуется, если его жену растерзает на террасе большой кипрский медведь. Я тянусь за мобильником и включаю его. Что я скажу?

«Папа, БЫСТРО сюда! Мама в смертельной опасности под перголой!»

Господи. Я просто не могу. Он так и так считает меня чокнутым. Я прекрасно знаю, что он вынужден терпеть меня, потому что любит маму, а я иду в комплекте. К несчастью, я никуда не гожусь в большинстве игр с мячом, хотя и полон энтузиазма. Когда я был младше, он пытался учить меня, но я всегда в итоге чувствовал, что подвожу его, потому что никогда не попадал в основной состав. А потом оказался золотой уткой, когда он пришел посмотреть крикетный матч, потому как нервничал. Имей я способности к таким вещам, это бы очень помогло нашим отношениям, но он, по крайней мере, любит и защищает маму от всех других, кто ее домогается.

Вроде того типа под перголой в данный момент.

Но вообще-то забавно. Вот я все мечтал побыть с ней наедине без папы, рядом с которым у меня всегда ощущение, что я мешаюсь под ногами... и вот пожалуйста: не прошло и двадцати четырех часов, а я уже хочу, чтобы он был здесь.

Может, все же лучше послать ему сообщение?... Проверю телефон и обнаруживаю, что там всего восемнадцать пенсов на счету. Не получится. А если бы и получилось, что бы он мог сделать-то?

Здесь больше никого, кроме меня. И Имми, но она не в счет.

Так что... остается одно: придется мне справляться в одиночку.

Я вступлю в бой за честь моей матери.

γ Три

– Ты выглядишь... точно так же.

– Нет, Алексис, разумеется, нет. Я старше на двадцать четыре года.

– Хелена, ты прекрасна – так же, как тогда.

Жар прихлынул к уже пылающим щекам Хелены.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Услышал слухи в деревне. Потом около полудня мне позвонил Димитриос и сказал, что видел золотоволосую леди и ребенка на дороге из Пандоры, и я понял, что это, наверное, ты.

– Кто такой Димитриос?

– Мой сын.

– Ну конечно! Конечно! – Хелена рассмеялась, успокаиваясь. – Мы с Имми остановились по дороге сорвать виноград, и я увидела, как он уставился на меня. Я подумала, что это ты... как глупо... он совсем как ты.

– Ты хочешь сказать, он совсем как я *был раньше*.

– Да. Да.

Они помолчали.

– Ну и как ты, Хелена? – решился он. – Как ты жила все эти годы?

– Жила... хорошо, да, хорошо.

– Ты замужем?

– Да.

– Я знаю, что у тебя есть дети, Хелена, потому что уже видел твоего сына и слышал о дочери.

– У меня трое, но младший, Фред, дома в Англии с отцом. Они присоединятся к нам через несколько дней. А ты?

– Я был женат на Марии, дочери старого мэра нашего Катикаса. Она родила мне двух мальчиков, но погибла в автокатастрофе, когда Мишелю, младшему, было восемь. И теперь мы, трое мужчин, живем вместе, собираем виноград и производим вино, как мой отец, дед, прадед и прапрадед до нас.

– Мне очень жаль, Алексис. Это просто ужасно, – Хелена знала, как банально это звучит, но не могла придумать, что еще сказать.

– Бог дал, бог взял. И, по крайней мере, мои мальчики выжили. И Димитриос, которого ты видела на винограднике, собирается жениться, так что род продолжится.

– Да. Я... Кажется, здесь так мало изменилось.

Выразительное лицо Алексиса нахмурилось.

– Нет, на Кипре многое изменилось, как и повсюду. Но это прогресс. Иногда это хорошо, иногда не очень. Некоторые становятся очень богатыми и, как всегда, алчут еще больше. Однако здесь у нас, в Катикасе, – по крайней мере пока – оазис. Но когда-нибудь застройщики запустят свои жадные пальцы и в наши плодородные земли. Они уже засматрива-

ются.

– Неудивительно. Здесь идеальное место.

– Знаю. И не думай, что никто в нашей деревне не поддастся соблазну, особенно молодежь. Они хотят быстрые машины, спутниковые тарелки и американский образ жизни, который им показывают по телевизору. А как же иначе? Мы тоже хотели большего, Хелена. Так что давай сменим тему и перестанем говорить как наши родители, – хмыкнул он.

– Мы и *есть наши родители*, Алексис.

– Тогда давай побудем детьми, какими мы были, просто совсем немного, – он потянулся за ее рукой, но тут на террасе появился Алекс. Хелена поспешно убрала руку.

– Где Имми? – резко спросил Алекс.

– По-моему, на кухне. Сынок, ты уже познакомился с Алексисом.

– У нас одинаковое имя. Оно означает «защитник», – Алексис доброжелательно улыбнулся.

– Знаю. Мам, я надеюсь, Имми не ушла куда-нибудь, пока ты не смотрела. Ты же ее знаешь.

– Уверена, она никуда не ушла. Почему бы тебе не найти ее и не привести сюда познакомиться с Алексисом? И поставь, пожалуйста, чайник. Душа просит чаю. – Хелена осела на стуле, чувствуя себя эмоционально опустошенной.

Алекс бросил на нее вызывающий взгляд, повернулся и ушел в дом.

– Красивый мальчик, – заметил Алексис. – Хорошо сло-

жен.

Хелена вздохнула.

– Он... необычный, это уж наверняка. А еще очень умный, и несносный, и упрямый, и... я люблю его до безумия, – она вымученно улыбнулась. – Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе о нем.

– Возможно, когда-нибудь мы расскажем друг другу о многих вещах, – тихо сказал Алексис.

– Вот она, – Алекс вывел заплаканную Имми на террасу. – За ней гонялся по кухне кто-то большой и полосатый, вроде осы. Возможно, с убийным жалом, – добавил он.

– О, дорогуша, почему ты не позвала меня? – Хелена открыла объятия, и Имми побежала к ней.

– Я звала, но ты не пришла. Алекс спас меня. Типа того.

– Она вылитая ты, Хелена, – улыбнулся Алексис. – Просто, как вы говорите... твой двойник.

– Я ее так и называю: «мини-мама»! – рявкнул Алекс. – Хотя вам, наверное, не понять.

– Хочешь чаю, Алексис? – вмешалась Хелена, чтобы разрядить обстановку.

– Да, пожалуйста. Замечательная английская традиция – пить горячее в жаркую погоду, – с улыбкой добавил гость.

– Всем известно, что горячий чай охлаждает. Поэтому его и пьют в Индии, – заметил Алекс.

– И это, конечно, никак не связано с тем, что все они живут за счет чайных плантаций, – пробормотала Хелена, со-

строив гримасу сыну. – Идем, Имми, ты мне поможешь. Мы мигом.

Алекс сел на освободившийся стул, скрестил руки на груди и с вызовом посмотрел на Алексиса.

– Ну и откуда вы знаете мою мать?

– Мы познакомились много лет назад, когда она в последний раз гостила у полковника Макклэддена.

– Это Ангус, ее крестный? И с тех пор вы маму не видели?

– Ну, вообще-то видел, – улыбнулся Алексис, – но это другая история. Итак, Алекс, тебе нравится Кипр?

– Еще не знаю. Когда мы приехали, было темно, и я провел весь день в постели в связи с возможной малярией. Здесь очень жарко и повсюду москиты и полосатые осы. А я их не люблю.

– А дом?

– Дом ничего. В смысле, жара адская, но я люблю историю, а здесь ее уйма, – признался Алекс.

– Это очень исторический край. Если ты любишь историю, то, наверное, знаешь греческие мифы. В них говорится, что Афродита родилась в Пафосе и жила с Адонисом на острове. Можно полюбоваться на его купальню – отсюда всего несколько миль.

– Будем надеяться, он вытащил пробку, иначе вода будет совсем затхлая, – пробормотал под нос Алекс.

– Это красивый водопад среди гор, – продолжал Алексис. – Там можно прыгнуть со скалы в воду, которая про-

зрачная, чистая и очень освежает в жару. Если захочешь, я тебя туда отведу.

– Спасибо, но экстремальные виды спорта – не моя стихия. И вообще, – Алекс посмотрел на гостя в упор, – чем вы здесь занимаетесь?

– Моя семья вот уже сотни лет возделывает здесь виноградники. Мы производим вино. Оно обеспечивает нашей семье хорошую жизнь. И мы начинаем все больше и больше экспортировать за границу. А вот и твоя мама.

Хелена вышла на террасу и поставила на стол поднос.

– Я уложила Имми отдохнуть наверху. Жара и оса утомили ее. Алекс, будешь чай?

– Да, – он встал. – Присаживайся, мама, я налью. Я как раз слушал про Биде Адониса.

– Это ты про водопад? О, он такой красивый, правда, Алексис? – Хелена улыбнулась общему воспоминанию.

– Вероятно, папа отвезет туда нас всех, когда приедет, – громко объявил Алекс. – Когда он приезжает, кстати говоря?

– В пятницу, о чем тебе прекрасно известно, Алекс. Молока, Алексис?

– Нет, спасибо.

– Но мог бы и раньше, правда ведь, мама? В смысле, папа мог бы устроить нам сюрприз и просто появиться здесь в любой момент.

– Сомневаюсь, Алекс, ему надо работать.

– Но он так по тебе скучает. Всегда звонит на твой мобиль-

ник. Знаешь, я бы не удивился, если бы он приехал раньше.

Хелена подняла бровь, передавая Алексису чашку.

– Ну, надеюсь, он не станет торопиться. Я бы хотела сделать дом поуютнее до его приезда.

– Тебе нужна помощь, Хелена? – спросил Алексис. – Дом долго пустовал.

– Вообще-то было бы кстати, если ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы привести в порядок бассейн. Его надо почистить и заполнить.

– Какой бассейн? – оживился Алекс.

– Здесь есть роскошный бассейн, если пройти вон в те ворота и спуститься по лестнице, – Хелена махнула рукой в ту сторону. – К несчастью, там, кажется, скопилось много оливок, и возможно, надо будет заменить несколько разбитых плиток.

– Тогда я пришлю Георгиоса, – сказал Алексис. – Он кузен моей жены и строитель.

– Вы женаты? – спросил Алекс, внезапно оживившись.

– К сожалению, больше нет, Алекс. Моя жена умерла много лет назад. Я сейчас позвоню Георгиосу, – Алексис достал из кармана мобильник, набрал номер и быстро заговорил по-гречески. Потом убрал телефон и улыбнулся. – Он приедет вечером, и, может быть, к приезду мужа ты уже сможешь купаться в бассейне.

– Это было бы чудесно, – сказала с благодарностью Хелена. – Еще я хотела бы знать, где в Пафосе можно купить

новый холодильник с морозилкой, плиту, микроволновку... в общем, все-все-все для кухни. На будущей неделе к нам приедет масса народу. Хотя меня беспокоит, сколько времени уйдет на доставку.

– Доставка не нужна. У меня есть грузовой автофургон, чтобы развозить вино по отелям и ресторанам в округе. Я возьму тебя, и мы все привезем сами.

– Ты правда не против?

– Ничуть. Я буду рад помочь, Хелена.

– А ты знаешь кого-нибудь в деревне, кто мог бы помочь мне по хозяйству? Время от времени, с уборкой и готовкой?

– Конечно. Ангелина, которая оставила тебе ключи, работала у полковника последний год, что он жил здесь. У нее найдется время, я уверен, и детей она любит. Я с ней свяжусь, и она зайдет поговорить.

– Спасибо, Алексис, ты спаситель, – благодарно произнесла Хелена, сделав глоток чая. – Может быть, я спрошу ее, согласится ли она иногда посидеть с детьми, чтобы мы могли куда-нибудь пойти вечером.

– Я могу посидеть с Имми, мама, – вставил Алекс.

– Да, я знаю, дорогуша, спасибо.

– А как насчет самого дома? – спросил Алексис.

– С виду хорошо, – пожала плечами Хелена. – С другой стороны, я не специалист.

– Я попрошу Георгиоса взглянуть, когда он придет смотреть бассейн. Например, канализация и проводка... их ни-

кто не касался много лет, и мы должны убедиться, что они надежны.

– Знаю, – вздохнула Хелена. – Это и правда Шкатулка Пандоры. Я почти не смею ее открыть.

– Ты знаешь легенду об этом доме? – спросил Алексис мальчика.

– Нет, – буркнул тот в ответ.

– Это хорошая легенда. Говорят, будто любой, кто приезжает пожить в Пандоре в первый раз, влюбляется, находясь под ее кровом.

– Правда? – Алекс поднял бровь. – К пятилетним это тоже относится? Я заметил, что Имми сегодня как-то мечтательно поглядывала на своего игрушечного ягненка.

– Алекс! Не груби! – прикрикнула Хелена, у которой наконец лопнуло терпение.

– Ах, он мальчик и боится любви, – Алексис снисходительно улыбнулся. – Но когда она придет, он встретит ее радостно, как все мы. Ну, мне пора, – он встал, и Хелена следом.

– Счастлив видеть тебя, Хелена, – сказал он, тепло целуя ее в обе щеки.

– Я тоже, Алексис.

– Я зайду завтра в девять утра, и мы поедем в Пафос, да?
Adio, Алекс. Пригладывай за матерью.

– Всегда, – насупился Алекс.

– До свидания, – Алексис кивнул ему, пересек террасу

широкими шагами и исчез из виду.

– Ей-богу, Алекс, – раздраженно вздохнула Хелена, – обязательно было хамить?

– Но я же не хамил, мам?

– Хамил, и знаешь это! Почему он тебе не понравился?

– Откуда ты знаешь?

– Ой, да ладно, Алекс, ты изо всех сил старался противоречить.

– Прости, но я ему не доверяю. Пойду посмотреть бассейн, если ты не возражаешь.

– Ладно.

Хелена смотрела, как сын неспешно идет по террасе, радуясь, что он хоть ненадолго оставил ее в покое... что они *оба* ушли, эти двое мужчин, которые носят одно и то же имя и вершат суд в ее сердце. Когда потрясение от появления Алексиса начало утихать, она подумала, что тогда он был почти мальчиком, всего на несколько лет старше ее сына. А теперь он стал зрелым мужчиной, но сущность его осталась неизменной.

Хелена задумчиво потерла нос. Никто не забывает первую любовь, и каждый верит, что его личный опыт уникален, не имеет равных по мощи, страсти и красоте. И разумеется, то первое лето здесь с Алексисом двадцать четыре года хранилось у нее в памяти, как бабочка, навеки застывшая в янтаре.

Они были *так* молоды... ей почти шестнадцать, ему почти восемнадцать, и все равно он ничего не знал о послед-

ствиях их отношений или о ее жизни с тех пор. И о том, как их любовь изменила всю ее жизнь.

Внезапный страх сжал сердце Хелены, и она вновь усомнилась, стоило ли сюда приезжать. Уильям появится через несколько дней, а она никогда не рассказывала ему об Алексисе. Какой смысл говорить о человеке, который был всего лишь тенью из прошлого?

Но Алексис перестал быть тенью. Он был очень даже живым и настоящим. И никуда было не деться от факта, что ее прошлое и настоящее вот-вот столкнутся.

* * *

Телефон Хелены зазвонил, как раз когда она ставила ужин перед Алексом и Имми.

– Алекс, ответь, пожалуйста, – попросила она, ставя перегруженный поднос на стол на террасе.

– Алло, – сказал тот. – Ага, привет, пап. У нас полный порядок. За исключением того, что мама, судя по всему, собирается накормить нас с Имми маринованными козлиными яйцами в соусе из рыбьих какашек. Наслаждайся пиццей, пока можешь, вот мой совет. Ага, передаю трубку маме. Пока.

Хелена подняла брови и устало вздохнула, беря у сына мобильник.

– Привет, дорогуша. Все хорошо? Нет, я их не травлю. Они пробуют сыр фету, хумус и тарамасалату. Как Фред? –

Зажав телефон между плечом и подбородком, Хелена разгрузила поднос. – Хорошо. Побеседуй с Имми, а мы поговорим позже. Ладно, пока. Это папочка, – Хелена передала мобильник дочери.

– Привет, папочка... да, все хорошо. Алекс умирал сегодня утром, а мы с мамочкой видели принца в поле, когда рвали виноград, но нас могла арестовать полиция, поэтому пришлось его оставить, но потом мы все-таки нарвали ягод на обратном пути, и папочка принца пришел повидать нас, и выпил чаю, и был очень славным. А на ланч я ела кетчуп и картошку, и здесь очень жарко, и... – Имми остановилась, чтобы вдохнуть воздуха, и прислушалась. – Да, я тоже люблю тебя и немножко скучаю. Ладно, папочка, скоро увидимся. – Она почмокала губами, изображая поцелуй, и опытной рукой нажала правильную кнопку, чтобы закончить разговор. Потом посмотрела на тарелку. – Алекс прав. На вид фу-у-у.

Хелена еще ежилась из-за разговора Имми с отцом. Она положила два кусочка питы на тарелку и добавила чайную ложку хумуса.

– Попробуй.

– А можно добавить кетчуп, мамуся?

– Нет, нельзя. – Хелена скормила Имми маленький кусочек хлеба с хумусом. Подождала, пока вкусовые рецепторы дочери вступят в действие, и в конце концов еда заслужила чуть заметный одобрителный кивок. – Так-то лучше. Я знала, что тебе понравится.

– Из чего это сделано? – спросила Имми.

– Бараний нут.

– Нут барана? Бр-р. – Имми содрогнулась. – Ты имеешь в виду их какахи?

– Не глупи, Имми, – возразил Алекс, который еще ничего не положил в рот. – Бараний нут – это вроде гороха, только он не зеленый. Прости, мам, – Алекс поднял руки, словно признавая поражение. – После сегодняшнего утра аппетит еще не вернулся.

– Ладно. – Хелена была не в боевом настроении. – Ну, бас-сейн – это хорошо, правда? К папиному приезду его должны будут наполнить. Вот, Имми, попробуй тарамасалату. А завтра в Пафосе мы можем купить лежаки и...

– Фу-у-у! – Имми неизящно выплюнула содержимое рта на тарелку.

– Имми!

– Праасти, но это нусь!

– Гнусь, Имми. И не повторяй за мной, пожалуйста, – пожурил ее Алекс, стараясь сохранить серьезный вид. – Тебе всего пять.

– Да, тебе пять. И принцессы не произносят такие слова, как «гнусь». Правда же, Алекс? – Хелена тоже давилась от смеха. – А теперь, пока я перезвоню папе, давай Алекс ответ тебя наверх и уложит? Потом я приду и расскажу одну из твоих любимых историй?

– Ладно. Я хочу о том, когда ты танцевала балет в Вене и

принц повез тебя к себе во дворец на бал.

– Договорились, – согласилась Хелена. – А теперь марш отсюда.

Дети скрылись в доме, а она взяла мобильник и позвонила домой.

– Привет, дорогуша, – сказал Уильям. – Ужин прошел успешно?

– Оставляю это на милость твоего воображения.

– Оно, пожалуй, к лучшему. Ну как, хороший день?

– Насыщенный.

– Похоже на то. О каком принце говорила Имми?

– О, просто сын старого друга.

– Понятно. – Пауза. – Хелена, дорогуша, – медленно начал Уильям, – я хочу попросить тебя кое о чем.

– Что?

– Я... ну, не уверен, как сказать тебе, но... это Хлоя.

– Она здорова?

– Да-да, она в порядке, по-видимому. Хотя я могу полагаться только на то, что говорит мне директриса пансиона, как тебе известно. Сегодня я получил письмо от ее матери.

– Письмо? От Сесиль? Силы небесные! – выдохнула Хелена. – Она на самом деле взялась за перо и бумагу? Настоящее чудо для твоей бывшей жены, не правда ли, дорогуша?

– Пожалуй, но дело в том...

– Да?

– Она хочет отправить Хлою к нам на Кипр.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 июля (продолжение)

Этот отдых, цитируя мою младшую сестренку, с каждой секундой становится все гнуснее.

Комары, жара, старые дома посреди засушливых полей, где никогда не слышали о широкополосных сетях, и давящий виноград, мечтающий придавить мою мать. Не упоминая уже, что Джулз, Саша, Виола и Рупс – этот безмозглый неандерталец – приезжают на следующей неделе.

Хорошо бы начать кампанию в защиту всех Детей, Родители Которых Лучшие Друзья, чтобы привлечь внимание к их положению. Только потому, что предки в детстве делились конфетами и секретами, потом перешли к алкоголю и, со временем, совместному приучению к горшкам, не обязательно означает, что дети Лучших Друзей будут испытывать такие же чувства к отпрыскам другой стороны.

У меня внутри все обрывается, когда я слышу эти вечные слова: «Алекс, дорогуша, Чандлеры приезжают. Ты будешь любезен с Рупсом, правда же?»

«Ну да, – отвечаю я, – постараюсь, дражайшая матушка». Но когда Рупс якобы случайно бьет меня по яйцам при захвате во время «товарищеского» матча по регби или бежит к

мамочке с воплем, что я сломал его игровую приставку, когда сам же уронил ее на пол, а я наступил на нее, потому что не знал, что она там, это может быть непросто.

Рупс практически мой ровесник, отчего еще хуже. И мы – как день и ночь. Он, возможно, именно такой сын, какой понравился бы моему отчиму Уильяму: прекрасный спортсмен, шутник, всеобщий любимец... и настоящий злобный поганец, когда никто не видит. А еще он туп как пробка, считает, что Гомер – это звезда «Симпсонов» и потому-то и знаменит своей философией.

У нас мало общего, у Рупса и меня. У него есть младшая сестра по имени Виола: сплошь рыжие волосы, веснушки и кроличьи зубы, и такая бледная, что чуть ли не прозрачная, как маленький призрак. Мама как-то сказала мне, что Виола приемная. Будь я на месте Чандлеров, то потребовал бы ребенка, который имел хоть какое-то сходство с моим генофондом, но, может быть, больше никого в тот момент под рукой не оказалось. И с учетом ее робости и подавляющей личности Рупса, не берусь утверждать, что ее знаю.

И в довершение ко всему мама только что сообщила мне, что сюда собирается и моя сводная сестра Хлоя. Я помню ее очень смутно, потому что не видел шесть лет. ЧС (Чертова Стерва), как ее ласково называют в нашем доме, она же бывшая жена моего отчима, запретила Хлое видеться с отцом, когда мама забеременела Имми.

Бедный папа. Он делал все, что мог, чтобы видеться с до-

черью, вот правда. Но ЧС внушила Хлое, что ее отец – исчадие ада, потому что не будет покупать ей мороженое, которое стоит больше фунта (если подумать, он и нам не покупает), и в конце концов папе пришлось отступить. После многочисленных и разорительных судов, когда он пытался получить к ней доступ и проиграл, даже социальный работник сказала, что так, возможно, лучше, потому что мать жутко изводила Хлою, стоило той хотя бы упомянуть папу, и борьба вредила ее психике. Так что ради Хлои папа отступил. Он редко говорит об этом, но я знаю, что он очень по ней скучает. Самое большее, что ему позволено, это писать ей открытки на день рождения и Рождество и выписывать чек на очень дорогой пансион, где она учится.

Так... почему она вдруг появляется?

Очевидно, как говорит мама, у ЧС появился кавалер. Бедняга. Она устрашающая женщина. Я, признаться, испугался в тот единственный раз, когда видел ее, потому что она злоющая и, возможно, исключительно хорошо выглядит в черном. Она, должно быть, что-то намешала в своем котелке и напоила этого своего бедного кавалера, потому что он хочет увезти ее на юг Франции на лето. Очевидно, он хочет побыть с ней наедине.

Надеюсь, его ноги не окажутся на тарелке с лапками других лягушек, вот и все, что я могу сказать.

В общем, в результате Хлоя достается нам.

Мама явственно нервничала, когда рассказывала мне, но

не показывала виду, говоря, как здорово это будет для папы после стольких лет разлуки с дочерью. Больше всего меня встревожило, когда она сказала, что будет тесновато, потому что Хлое нужна отдельная комната. И «некоторым» придется ужаться.

Я знаю, на что она намекает.

Мне очень жаль. Но я ни за что, ни при каких обстоятельствах не буду жить в одной комнате с Рупсом. Я буду спать в ванной, или, если потребуется, на улице, или где угодно, только не с ним. Я могу вытерпеть вторжение в мое личное пространство в течение дня, если буду твердо уверен, что оно останется неприкосновенным ночью.

Так что, дражайшая матушка, это исключено.

Еще она сказала, что мы должны оказать Хлое радушный прием, помочь ей почувствовать себя частью нашей семьи. Нашей как-назвать-полную-противоположность-нуклеарной семьи.

Господи. Дисфункциональная, что ли? Кому-нибудь следовало бы написать о нас диссертацию. Может, взяться самому?

Едва не отравившись кипрским спреем от комаров, который мама купила мне в магазине и который так переполнен запрещенными пестицидами, что наверняка убьет заодно и меня, я лежу в постели, глядя в потолок, и пытаюсь разобраться, сколько кровей намешано в нашей семье.

Вот только...

Хотел бы я знать все о своей.

Четыре

После беспокойной ночи Хелена проснулась рано. Время медленно тащилось к рассвету, а разум ее метался от одной тревожной мысли к другой. Несмотря на утомление, она была благодарна за возможность отвлечься благодаря поездке в Пафос и длинному списку покупок.

Алексис приехал на грузовом фургоне в девять, и они вчетвером залезли на широкое переднее сиденье. Имми пришла в восторг, что сидит впереди и так высоко, но Хелена видела, как Алекс молча дуется, глядя в окно, когда они спускались по извилистой дороге из своего орлиного гнезда. Она предлагала сыну остаться в Пандоре и помочь Георгиосу привести в порядок бассейн, но он настоял, что поедет. Хелена не испытывала иллюзий о причине: она была под надзором.

– Ух ты, мамочка, это как на спиральной горке, правда же? – сказала Имми, когда они зигзагами спускались по серпантину к побережью.

– Ты не узнаешь Пафос, Хелена, – заметил Алексис по дороге. – Это больше не тихий рыбацкий порт, как когда-то.

На въезде в город Хелену потрясли бесконечные неоновые вывески, сверкающие с уродливых бетонных зданий вдоль дороги. Большие придорожные щиты рекламировали все –

от роскошных автомобилей до таймшерных апартаментов и ночных клубов.

– Мамочка, смотри! Там «Макдоналдс»! Возьмем там чизбургер с картошкой? – жадно спросила Имми.

– Печальное зрелище, да? – пробормотал Алексис, бросая взгляд на Хелену.

– Ужасное, – согласилась она, заметив паб в английском стиле с кричащей растяжкой снаружи, объявляющей футбольные трансляции и ланч – шведский стол по воскресеньям.

Они припарковались возле огромного магазина товаров для дома, и Хелена осознала, что Алексис прав: Пафос вырос в торговый центр, каким гордился бы любой британский город.

– Ненавижу глобализацию! – пробормотала она, вылезая из машины.

Несколько минут спустя в магазине Хелена выбрала кружевную скатерть из стопки и прочитала этикетку.

– Сделано в Китае, – заметила она Алексису. – Когда я была здесь в прошлый раз, кружева плели местные женщины и продавали на рынке. И покупатель сам предлагал цену.

– Просто тебе грустно, потому что мы больше не «самобытные». Но мы научились всему, что знаем, у вас, британцев, за время оккупации, – добавил Алексис с ироничной улыбкой.

Два часа спустя, после символической остановки в «Мак-

доналдсе», чтобы задобрить Имми, фургон Алексиса (нагруженный крупной бытовой техникой и горой всего прочего, что накупила Хелена) вернулся в Пандору. Поход за покупками обошелся в небольшое состояние, но она использовала деньги, завещанные Ангусом, и надеялась, что крестный одобрил бы, что они потрачены на обустройство Пандоры. Дом определенно нуждался в обновлении.

Алекс, который за весь день едва произнес пару слов, молча помог Алексису и его родственнику-строителю Георгиосу перетащить коробки из фургона на тележку, которую Алексис оставил у дома утром.

Когда она разложила симпатичные покрывала, заменила кремовыми шелковыми абажурами засиженное мухами оранжевое стекло и развесила тоненькие муслиновые занавески на окнах спален, Хелена неохотно призналась себе, что у глобализации есть свои преимущества.

– Морозильник включен, новая духовка смонтирована и старая убрана, а посудомойка и стиральная машина ждут водопроводчика, который придет завтра, – Алексис появился у двери спальни Хелены и остановился, наблюдая, как она застилает старую деревянную кровать накрахмаленными белыми простынями. Он оглядел комнату и улыбнулся. – Ах, женская рука... она незаменима.

– Впереди еще долгий путь, но это начало.

– И возможно, начало новой эры для Пандоры? – рискнул он.

– По-твоему, Ангус был бы не против?

– По-моему, семья – именно то, что нужно дому. Всегда было нужно.

– Мне бы хотелось покрасить эту комнату, немного смягчить ее, – заметила она, глядя на простые беленые стены.

– Почему бы нет? Мои сыновья могут начать завтра. Они все сделают в два счета, – предложил Алексис.

– О Алексис, ты очень добр, но у них же наверняка есть работа?

– Ты забываешь, что они работают на меня. И потому, – ухмыльнулся он, – сделают, как я скажу.

– Как летит время! – воскликнула Хелена. – Мой муж придет в пятницу с Фредом.

– Правда? – Алексис помедлил, потом продолжил: – Короче, ты выбираешь цвет, а мы работаем.

– Ну, в благодарность за всю твою помощь, пусть это и ничтожно, я открою бутылку вина, которую ты принес.

– Хелена, ты побледнела. Устала? – Алексис осторожно положил руки ей на плечи. – Ты – английская роза и плохо переносишь жару. Никогда не переносила.

– Я в порядке, Алексис, правда. – Хелена высвободилась и поспешила вниз по лестнице.

Позже, когда Алексис и Георгиос ушли и Алекс устанавливал DVD-плеер, а Имми оживленно прыгала вокруг, Хелена виновато забралась в новый гамак, который Алексис подвесил между красивой старой оливой, гордо стоявшей в цен-

тре сада перед террасой, и еще одной, молодой выскочкой.

Приятный ветерок шелестел в ветвях, ласково шевелил пряди волос на лбу. Цикады устроили репетицию перед ночным концертом, и солнце умерило полуденный ослепительный блеск до мягкого рассеянного света.

Хелена думала о скором приезде незнакомой падчерицы. Уильям вчера вечером явно нервничал и явно чувствовал, что просит слишком многого. Она тоже беспокоилась. Все-таки в их гнезде уже был кукушонок – Алекс. Найдется ли место для еще одного? Хелена не знала, как *он* отреагирует на приезд Хлои, не говоря уже о двух младших, которые даже никогда не встречали сестру. Но как она могла лишить Уильяма шанса провести драгоценное время с дочерью, несмотря на риск, что присутствие Хлои нарушит равновесие в семье?

И сама Хлоя... как она отнесется к тому, что ее подбросили в семью, которую учили ненавидеть? Впрочем, Хелена знала, что Хлоя – настоящая жертва ситуации: ребенок, захваченный водоворотом скандального развода, превращенный в оружие «женщиной, которую отвергли». И хотя Сесиль утверждала, что защищает дочь от очевидно опасных лап отца, на самом деле, из-за низменнейшего эмоционального шантажа, Хлоя почти наверняка была глубоко ранена запретом иметь в детстве нормальные отношения с отцом.

Сейчас ей было почти пятнадцать – трудный возраст для любой девочки, но особенно для той, которую принудили

отвергнуть любовь к отцу, чтобы угодить мать, которая не приняла бы меньшего. Еще Хелена знала, что ее сердце, которое любило мужа и детей, придется увеличиться еще немного, чтобы включить Хлою. Пространство уже было растянуто, обеспечивая эмоциональную поддержку, требуемую от любой жены и матери. Теперь от нее требовалось еще больше из-за сложных последствий второго брака.

Она была майским деревом, вокруг которого танцевала вся семья. И этим вечером Хелена чувствовала, что ленты вокруг ее груди натянулись очень туго.

* * *

– Прости, мам, но нет. НЕТ! НЕТ! НЕТ! Ладно?

– Ради всего святого, дорогуша, это большая спальня! Там вполне хватит места для двоих. Вы все равно не будете проводить там время, только спать.

Алекс сидел, скрестив руки, и Хелена чувствовала, как у него из ушей валит метафорический дым.

– Мама, не в этом дело. И ты это знаешь. Ты *знаешь*.

– Ну, я просто не вижу другого выхода, Алекс.

– Я лучше уж буду спать с Имми и Фредом или на террасе, и пусть меня до смерти закусает комары. *От Рунса жутко воняет.*

– Да-да, мамочка. Он все время пугает, – поддержала Имми, отнюдь не помогая делу.

– К твоему сведению, Имми, ты тоже, но не в этом суть, – продолжал Алекс. – Независимо от того, что он воняет, а он воняет, я его ненавижу. Он гей.

– Что за глупости, Алекс! Ну и что с того? – вышла из себя Хелена.

– Гей не в смысле *гей*, мам, а «гей». Другими словами, полный муди...

– Хватит, Алекс! С меня хватит! Тебе это может не нравиться, но другого выхода нет. Хлое нужна отдельная комната. Она девочка-подросток и не знает никого из нас, кроме папы и...

– Так пусть с ним и спит!

– Ох, Алекс, ради всего святого! Не паясничай. – Хелена встала и начала собирать грязные тарелки. – Я стараюсь делать все возможное для всех и надеялась, что могу рассчитывать на твою поддержку. Спасибо большое.

Отнеся тарелки на кухню, она с грохотом опустила их в раковину, потом стукнула кулаком по сливу, чтобы снять напряжение.

– Вот, мамочка. – У нее за спиной появилась Имми, размахивая чайной ложечкой. – Я помогаю тебе убратся.

– Спасибо, дорогуша, – устало сказала Хелена. – Можешь попросить Алекса принести остальное?

– Нет, потому что он ушел.

– Куда ушел?

– Не знаю. Он не сказал.

Час спустя Хелена уложила Имми спать, потом разрешила себе долго понежиться в древней, но чудесно глубокой ванне Ангуса. Вытершись новым пушистым полотенцем из купленных в Пафосе, она надела халат и снова спустилась вниз посидеть на террасе. Она как раз собиралась достать из кармана пачку и украдкой выкурить сигарету, когда из темноты появился Алекс.

– Привет. Я пришел извиниться, – сказал он, тяжело опустившись на стул. – Честное слово, это не из вредности, но я готов на все, только бы не жить с Рупсом. Я просто... – Алекс провел рукой по волосам, – не могу.

– Ладно, – Хелена сдалась. – Дай мне подумать. Я уверена, мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, мам. Ну что ж, наверное, пойду попользуюсь личным пространством, пока могу. Лягу пораньше.

– Бассейн должны заполнить завтра к вечеру. Здорово, правда?

– Наверное, – вяло кивнул Алекс. – Так мистер Я-могу-решить-для-тебя-любую-проблему-моя-дорогая-Хелена-только-скажи завтра снова вернется?

– Алекс, прекрати! – Хелена невольно покраснела. – Я не его «дорогая», и кроме того, я правда не знаю, что бы без него делала.

– Ты его «дорогая», мама. Он сохнет по тебе, и ты это знаешь, – сухо сказал Алекс. – Мне тошно смотреть, как он глядит на тебя. Ему лучше быть осторожнее, когда придет

папа. Не думаю, что ему сильно понравится, если мистер Я-все-устрою будет постоянно болтаться неподалеку.

– Алекс, хватит! Алексис просто старый друг.

– И все?

– Да, все.

– И ты не видела его с тех пор, как была здесь последний раз?

– Нет.

– А он сказал мне, что видел тебя с тех пор, значит, кто-то из вас лжет.

– Так, хватит! Я отказываюсь сидеть здесь и терпеть допрос с пристрастием от моего тринадцатилетнего сына. То, что было в прошлом, остается в прошлом. Сейчас настоящее, и я счастливо замужем за твоим отчимом. Алексис по доброте помогает Пандоре – дому, который он тоже очень любит, – вернуться к жизни. И точка. Ладно?

Алекс пожал плечами.

– Ладно. Но не говори, что я тебя не предупреждал. Мне он не нравится.

– В этом никто не сомневается. Предупреждаю тебя, Алекс, я больше не потерплю от тебя грубости в его адрес. Это понятно?

– Да, мам. Спокойной ночи, – пробормотал Алекс. Он повернулся в сторону дома, потом остановился и посмотрел на нее, словно что-то сообразив. – Мам?

– Да?

– А как насчет этого общего имени?

– Прости?

– Я имею в виду... это же просто совпадение, что у нас одно имя, да? У меня и... Алексиса?

– Ну разумеется, дорогуша. Мне нравилось это имя тогда, когда я знала его, оно мне нравилось, когда родился ты, и по-прежнему нравится сейчас.

– И больше ничего? – уточнил Алекс.

– А что тут еще может быть? В мире тысячи людей по имени Алекс.

– Угу, конечно, просто... ничего. Спокойной ночи, мама.

– И тебе тоже, дорогуша.

Когда Алекс наконец исчез наверху, Хелена пошла на кухню, сделала себе чашку чая, потом вернулась на террасу и долго созерцала ясное звездное небо, пытаясь успокоить разбушевавшиеся эмоции.

Она знала, что с каждым днем приближается тот самый миг, которого она боялась со дня рождения старшего сына.

Настоящее чудо, что Алекс никогда не задавал прямого вопроса с тех пор, как понял, что биологически в создании ребенка участвует не только мать, но и отец. Уильям исполнял эту роль с тех пор, как они поженились, когда Алексу было три. Они оба поощряли Алекса называть его «папой», и ее сын, казалось, принял статус-кво, не подвергая его сомнению.

Вероятно, думала Хелена, отчасти Алекс и *не хотел* знать,

страшась ответа. И не зря. Разумеется, размышляла она, прихлебывая чай, можно было бы солгать – сказать, что его отец умер. Придумать имя, прошлое... как она влюбилась в чудесного человека и они зачали Алекса, потому что так хотели его...

Хелена обхватила голову руками и глубоко вздохнула. Эгоистка в ней хотела бы, чтобы этот человек действительно был мертв, но на самом деле он был очень даже жив... и был рядом.

Она знала, что ее сын, возможно, достаточно развит интеллектуально, чтобы понять разумное объяснение, но эмоционально совершенно не готов узнать правду. Особенно в этом непростом возрасте, на тернистом пути от мальчика к мужчине.

Алекс всегда был трудным ребенком. Хелена почти с самого начала знала, что это необычный мальчик: такой умный, такой *взрослый* в том, как он обрабатывал информацию. Он мог рассуждать и манипулировать, как искушенный политик, а потом, круто развернувшись, вернуться к своему хронологическому возрасту и снова стать ребенком. Он помнила, как его внезапно осенила идея смерти и четырехлетний малыш заснул в слезах, пытаясь примириться с мыслью, что не будет «здесь» вечно.

– Но все мы здесь не навечно, – печально шепнула Хелена ночному небу, пылающему сегодня миллионами звезд. «Они-то видели все, – подумала она, – однако держат свои

знания при себе».

Уильям говорил ей, что она балует Алекса, потекает его капризам, и, вероятно, был прав. Она одна понимала его уязвимость, зная, что ему приходится справляться с одиночеством из-за ощущения, что он «другой». В школе восьмилетнему Алексу предложили пройти тестирование, когда он обогнал всех одноклассников в учебе. Хелена неохотно согласилась, не желая навешивать на сына ярлык, пока он еще так молод. По результатам он был признан «одаренным ребенком» с запредельным IQ.

Хелена оставила его в местной начальной школе, желая обеспечить ему по возможности нормальное детство. Потом, на втором году учебы в средней школе, ее вызвал директор и сказал, что Алексу следовало бы подать заявку на академическую стипендию, чтобы поступить в самую престижную школу-пансион в Англии.

– Откровенно говоря, миссис Кук, я думаю, мы оба окажем Алексу дурную услугу, если не дадим ему хотя бы возможность попробовать. Мы тут делаем все, что в наших силах, но, чтобы выкладываться по максимуму, ему, без сомнений, будет лучше с мальчиками подобного интеллекта.

Она обсудила это с Уильямом, который согласился с директором, но Хелена, которую саму в детстве отослали в школу-пансион, колебалась.

– Никто не гарантирует, что Алекс получит стипендию, а без стипендии мы при всем желании не можем позволить

себе обучение, – возразил Уильям. – Так почему не дать ему хотя бы попробовать? Если он не захочет ехать, отказаться всегда успеем.

А потом Алекс выиграл, и все были так воодушевлены, что Хелена даже устыдилась того, что не выказывала воодушевления. В конце концов, это было огромное достижение. И чудесная возможность для мальчика.

Когда Хелена спросила самого Алекса, тот пожал плечами и отвел взгляд, так что понять его выражение лица было сложно.

– Если ты довольна, мама, то и я доволен. Во всяком случае, папа, кажется, счастлив.

Яснее от этого не стало.

Уильям был взволнован и горд, но Хелена не могла избавиться от мыслей – пусть и несправедливых, – что радость мужа частично связана с тем, что Алекс уедет из дома.

Она прекрасно осознавала, что Уильям принял Алекса, потому что полюбил ее, а сын шел с ней в комплекте. Хотел он на самом деле Алекса или нет, ему ничего не оставалось, как согласиться, что тот будет жить с ними под одной крышей. Таковы были факты, как их ни приукрашивай. И Алекс, будучи Алексом, разумеется, все осознавал.

Сын тоже понимал ее... вероятно, лучше, чем кто бы то ни было. Он словно видел ее сквозь кожу до самого нутра, как бы крепко она ни окутывалась густой вуалью, пряча самые сокровенные мысли.

Хелена вытащила из кармана сигарету и закурила.

Алекс знал, что ее возражения насчет мотивов Алексиса лживы.

Знал, все не так просто, как она говорит. И, честно говоря, был прав.

* * *

К следующему закату сыновья Алексиса Димитриос и Мишель покрасили хозяйскую спальню в нежно-сизый цвет.

Они приехали утром в фургоне Алексиса, и Хелена, которая вышла им навстречу, не могла не заметить, насколько по-разному проявляются гены. Оба молодых человека были одарены густыми темными волосами, смуглой кожей и атлетическим сложением, но если Димитриос унаследовал добрый взгляд и мягкость Алексиса, то младший, Мишель, ни много ни мало напоминал греческого бога. Что-то неумолимое делало его еще красивее отца.

Братья взялись за работу с малярными кистями и валиками, а Хелена продолжила распределять по дому покупки, смягчая женственностью острые мужские грани Пандоры. Имми помогла ей нарезать цветов и оливковых ветвей в саду, и они расставили их в больших глиняных кувшинах. Окна во всех комнатах были распахнуты, открывшись пылающему солнцу, и затхлый запах пустоты начал выгорать, уходя в прошлое. Пандора начала оживать.

Еще раньше в то утро на кухне появилась яркая черноволосая девушка, и Хелена с удивлением обнаружила, что это и есть Ангелина, бывшая домработница Ангуса. Образ суровой кипрской версии миссис Дэнверс оказался весьма далеким от истины: Ангелина энергично терла полы и пылесосила и, сверкая полными смеха темными глазами, игриво пикировалась на греческом с сыновьями Алексиса.

– Мама, бассейном можно будет пользоваться через час, – объявил Алекс, найдя Хелену в гостиной, где та выбивала пыль из подушек камчатых кушеток. – Георгиос заполняет его водой.

– Превосходно! Тогда пойдем и обновим его все вместе.

– Будет очень холодно. Солнце не успеет прогреть воду, но, может, это нас освежит, – добавил Алекс с надеждой.

– Как раз то, что нужно: охладиться после тяжелой работы.

– Ага, до сих пор так себе отдых, да? У меня ощущение, будто мы только что переехали.

– Пожалуй, – согласилась Хелена. – Но оно того стоит, тебе не кажется? Я так хочу, чтобы папе здесь понравилось.

– Конечно, ему понравится, – Алекс подошел к ней и внезапно обнял. – Я страшно рад бассейну.

– Вот и хорошо. – Хелена вздохнула с облегчением, видя, что вчерашнее мрачное настроение Алекса исчезло и яркое солнце растопило и сына.

– Я собираюсь плавать каждое утро до завтрака и набрать

форму, – добавил он. – Пока.

– Да, дорогуша.

– Чашечку чая, мадам? – Ангелина несла тяжелый поднос через гостиную на террасу, а Имми следовала за ней, как служанка.

– О да, пожалуйста! И, Ангелина, зови меня Хеленой.

– Ок-кей, Хелена, я стараться, – ответила та на ломаном английском.

– Мамочка, мы испекли бисквиты в новой духовке, чтобы ее опробовать, – Имми осторожно обхватила тарелку маленькими ручками. – Все должны попробовать, потому что они вку-усные.

– Не сомневаюсь. – Хелена была рада, что Имми поладила с Ангелиной. С ордами, нашествие которых ожидалось в следующие несколько дней, ей понадобится любая помощь. Она вышла следом за ними на террасу и плюхнулась на стул под навесом. – Спасибо, Имми. – Она взяла бисквит и откусила кусочек. – М-м-м, очень вкусно.

– Ну, Ангелина мне помогала, но на самом деле их делала я, правда же?

– Правда, Имми, – согласилась Ангелина, ласково потрепав девочку по щеке.

Час спустя все собрались у бассейна на первое купание. Хелена, Имми и Алекс взялись за руки и прыгнули с бортика, дружно взвизгнув.

Через десять минут, оставив детей плескаться, Хелена вы-

бралась из воды и легла возле бассейна, отогревая мурашки на вечернем солнце.

– Привет, Хелена.

На нее упала тень, и она подняла голову.

– Привет, Алексис.

– Вижу, вам здесь весело? – Он присел рядом на корточки, и Хелена внезапно почувствовала себя обнаженной в своем скудном бикини. Она села и, словно защищаясь, прижала колени к груди.

– Все благодаря тебе и твоим детям. Я так признательна, Алексис, серьезно.

– Это всего лишь мой долг. Ведь Пандора принадлежала моей семье больше двухсот лет, пока твой крестный не уговорил отца с ней расстаться.

– Тем более очень мило с твоей стороны, что ты нам помогаешь.

– Пф-ф! Не надо этих церемоний, не будь такой... англичанкой! Ты говоришь так, будто мы едва знакомы.

– Так и есть. – Хелена помедлила и добавила: – Мы больше не знакомы.

– Так давай познакомимся снова. Приходи сегодня ко мне на ужин.

– Я... Алексис, я не могу оставить Имми и Алекса.

– Я спросил Ангелину. Она с удовольствием с ними посидит.

– Ах вот как? – Хелена внезапно рассердилась. – Не лучше

ли было сначала спросить меня?

Алексис немедленно начал извиняться:

– Мне следовало бы спросить тебя. Прошу прощения, Хелена.

– Ну, я все равно не могу пойти. Слишком много дел здесь. Завтра приезжают Уильям с Фредом.

– Мамочка! Я замерзла. Хочу вылезать, и мне нужно полотенце!

– Иду, дорогуша, – Хелена встала, собираясь уходить. Алексис успел поймать ее за руку.

– По крайней мере, давай как-нибудь поговорим, наверстаем упущенные годы.

Она посмотрела на него в упор, открыла было рот, потом молча покачала головой и отстранилась.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

13 июля 2006 года

Я лежу на спине посреди холодного бассейна и не слышу никаких земных звуков, потому что уши под водой. Отсюда, с моей водяной кровати, если смотреть вверх, виден темный изогнутый купол, являющий округлость земли и неба. Он не плоский, а как в пещере, свод которой сверкает нетронутыми бриллиантами. Я слушаю вязкие шумы в ушах, закрываю глаза и воображаю, что это почти как вернуться в материнскую утробу. За исключением того, что нет готовых к употреблению чипсов, шоколада и углерода... или что там матери передают детям поесть по пуповине.

Это удивительный процесс – творение, правда-правда.

Сегодня мне спокойнее, потому что у меня есть новая утроба... в смысле комната – собственная. Да, в ней мне придется сворачиваться калачиком: если раскинуть руки, то можно коснуться полок из красного дерева по обеим сторонам, уставленных сотнями книг в кожаных переплетах, но мне все равно. Комната моя, и только моя, и, самое главное, это безрупсовая зона.

К тому же в ней достаточно печатной продукции, чтобы продержаться все каникулы, ибо мое новое жилище – то, что,

учитывая обстоятельства, мать довольно торжественно именует «библиотекой». Это, по сути, всего лишь кладовка для метел (и, готов спорить, возможно, когда-то ею и была), расположенная рядом с гостиной. Я не смогу – из соображений здравоохранения и безопасности – никого сюда пригласить, поскольку здесь может не хватить кислорода для двух пар легких. Кроме того, гостю придется лечь на меня, поскольку стоять здесь негде.

Мама сказала, что она не возражает, если я свалю часть книг на верхние полки, чтобы было где разложить вещи.

А еще там есть такая роскошь, как дверь, которая запирается, и окошко под потолком. Противный мистер Я-все-устрою ухитрился запихнуть сюда раскладушку, чтобы мне было где спать.

Переворачиваюсь и плыву к краю бассейна, потом выбираюсь и стряхиваю избыточную воду. Беру полотенце, которое мокрее меня после предыдущего использования, и набрасываю эту сырость на плечи. Плюхаюсь на лежак и вытираюсь на все еще смехотворно горячем ночном воздухе, надеясь, что не из-за меня мать сегодня выглядит такой удрученной.

За пару часов после ухода мистера Я-все-устрою она практически не сказала мне ни слова. Впрочем, с Имми она тоже была немногословной, так что, возможно, мы оба оказались в немилости по неизвестным нам причинам.

Надеюсь... ну, надеюсь, это не из-за того, что завтра при-

езжает папа. И потревожит их любовное гнездышко с мистером Я-все-устрою. Не думаю, что дело в этом, потому что я уверен, что она любит папу, но знаю, как трудно понять женщин. Где они учатся быть такими противоречивыми?

Имми уже осваивает всю эту женскую хрень. Она шантажом заставляет меня играть с ней в какую-нибудь скучную игру, где она всегда принцесса или фея, и носит кусок розового тюля поверх джинсов, а я – все остальное: от злого дяди до озорного эльфа. Потом внезапно, без предупреждения топаёт ножкой, говорит, что больше не играет, и убегает.

Как будто... она думает, меня это колышет?!

Встаю на колени на лежаке и заглядываю за линию олив, окружающих бассейн. Если вытянуть шею, мне видно сидящую на террасе маму. На ней длинный белый халат; лунный свет выбеливает белокурые волосы и смывает слабый загар.

Она похожа на алебастровую статую.

Или призрак.

И глядя на нее, я понимаю, что она сейчас в прошлом, вновь проживает другую жизнь.

Є Пять

Фред наконец не выдержал и уснул: маленькая головка покоилась на коленях Уильяма, липкие ручки все еще крепко сжимали новый самолетик. Уильям облизнул палец и неуклюже попытался стереть шоколад с перемазанной мордашки сына. После приземления надо будет отвести Фреда в туалет и как следует отмыть, прежде чем показывать Хелене. Кожа их сына, казалось, притягивала грязь.

Уильям закрыл глаза, радуясь передышке. Полет с Фредом оказался поучительным опытом. Обычно это он был человеком в костюме, пытающимся сдержать раздражение, когда какой-нибудь мелкий монстрик долбил ногами по спинке сиденья, вопил, кривлялся и совал голову между сиденьями, пока издерганный родитель изо всех сил старался унять ребенка. Уильям попытался дремать, но фредо-прилив адреналина еще кипел в крови, так что он сдался и вместо сна сосредоточился на прибытии в мир Хелены. Он был так занят подчисткой хвостов на работе, что ему было особо некогда об этом подумать.

Пандора... он понимал по отсутствующему выражению на лице жены каждый раз, когда она говорила об этом доме, как много он для нее значит. И Уильям знал, что не должен обижать ее какими-либо негативными замечаниями по при-

езде. Даже если дом и место окажутся довольно заурядными, а Кипр – именно таким засушливым скоплением крутых склонов, как он себе представлял, он поклялся, что не покажет виду.

Последние дни Хелена казалась особенно отчужденной и странной. Не иначе как возвращение в мысленно отполированную версию идеала принесло разочарование. Хотя он не знал наверняка. Во всем, что касалось жены, он ничего не знал наверняка.

Хелена... приближалась десятая годовщина их свадьбы, а жена в чем-то так и осталась для Уильяма загадкой. Ее вечно окружала аура отчужденности, и даже в постели, в моменты самой интимной близости, она будто находилась где-то далеко.

При этом Хелену нельзя было назвать холодной. Она источала такие любовь и тепло, на которые только способна женщина. Дети боготворили ее. Он боготворил ее. Уильям не знал, что вызывает отстраненность и благоговение. Красота? Многие годы он наблюдал, как реагируют на нее другие: и мужчины, и женщины. Люди не привыкли сталкиваться с физическим совершенством: они мирились со своими недостатками, видя их отражение в окружающих. Хелена, с ее золотистыми волосами, бледной безупречной кожей и восхитительно пропорциональным телом, была воплощением его идеала женщины. А материнство только прибавляло ей очарования, делая ее настоящей, а не недоступной ледяной де-

вой. Из-за этого он часто чувствовал – хотя и не по ее вине, – что он простой смертный, а она богиня. Из этого рождалось чувство неуверенности, потому что иногда он не мог поверить, что эта изумительная женщина выбрала *его*.

Он всегда успокаивал себя тем, что обеспечивал ее всем, что ей нужно, что вместе они составляли инь и ян: она – артистичная, утонченная, мечтательная, а он приземленный, надежный и логичный. Они происходили из совершенно разных миров – и, однако, последние десять лет были счастливейшими в его жизни. Уильям надеялся, что она тоже была счастлива.

Однако с тех пор, как прибыло письмо с известием, что жена унаследовала старый дом в каком-то богом забытом захолустье на Кипре, она стала более отстраненной. И за последние недели он действительно ощущал, что Хелена отдаляется. Прямых доказательств не было, ничего убедительного, что подтверждало бы это ощущение. В целом Хелена была такой же, как всегда: занималась домом, заботилась о детях, поддерживала его и еще великое множество людей, тянувшихся к теплу и человечности его жены.

Когда самолет коснулся взлетной полосы в аэропорту Пафоса, обычно не склонному к самокопанию Уильяму трудно было подавить тревогу.

– Ох, Имми, это *та-акая* безвкусица. Я не встану рядом с тобой, если ты собираешься держать этот плакат.

– Алекс, не вредничай, – вмешалась Хелена. – Имми работала все утро. Очень славно, дорогуша. И папочке тоже очень понравится.

У Имми, тащившей плакатик с надписью «С ПРЕЕСДОМ НА КЫПР ПАПОЧКА И ФРЕД» в зону прилета, дрожала нижняя губа.

– Ненавижу тебя, Алекс. Ты самый вонючий брат на свете.

– Самый вонючий у нас Фред, не забывай, – заметил Алекс, когда они нырнули за Хеленой в толпу, окружающую выход из зоны прилета, откуда с минуты на минуту должны были появиться еще двое членов их семьи.

– Так, пока мы ждем, я пойду разберусь в прокате, как поменять мою машину на минивэн, – Хелена уже чувствовала себя издерганной. – Вы двое стойте здесь и высматривайте папу и Фреда. Их самолет приземлился двадцать минут назад, так что они должны скоро выйти. И Алекс, глаз не своди с Имми, – предупредила она и исчезла в толпе.

– Ох, я так волнуюсь, – пискнула Имми, размахивая плакатом над головой, как фанатка на поп-концерте. – О, смотри! Вон они... ПАПОЧКА-А-А!

Из-за дверей появился Уильям, толкающий тележку с че-

моданами, на которых сверху сидел Фред. Имми подбежала к нему и бросилась в объятия отца.

– Привет, Имми, дорогуша, – пропыхтел Уильям, осыпаемый поцелуями дочери. Он выглянул из-за ее длинных белокурых волос и улыбнулся Алексу. – Привет, как ты?

– Отлично, пап. – Алекс взялся за ручку тележки и опустился на колени, чтобы взглянуть на Фреда. – Приветик, братишка. Дай пять.

– Ривет, Алекс. – Фред шлепнул ладошкой по руке брата, потом поднял игрушечный самолетик. – А у меня вот это от папы.

– Да ну? Ого, ты, наверное, хорошо себя вел. – Алекс подхватил Фреда на руки.

– Не-а. Плохо.

– В самолете? Тебе понравился самолет?

– Угу, – кивнул Фред и потер наморщенный веснушчатый нос. – Где мамочка?

– Да, где мамочка? – Уильям тоже высматривал в зале жену.

– Вон там, возле проката машин. – Алекс помахал Хелене, заметив, что та идет в их сторону.

Фред вывернулся из рук и побежал к матери.

Уильям смотрел на жену как всегда, когда не видел ее какое-то время, пораженный ее красотой. В синей футболке и джинсовых шортах, с длинными белокурыми волосами, небрежно завязанными в хвост, она выглядела не старше

подростка.

Хелена подошла к ним, держа Фреда за руку.

– Привет, дорогуша. – Он обнял ее одной рукой за плечи и поцеловал.

– Привет. – Она улыбнулась ему снизу вверх. – Хорошо долетели?

– Не без приключений, – вздохнул он, – но мы добрались сюда целыми и невредимыми, да, Фред?

– Угу. Можем мы теперь пойти в Кыфр, мамочка? – спросил Фред.

– Дорогуша, это и есть *Kypr*, и мы можем ехать домой.

– Но я только приехал! – растерялся Фред.

– Я имела в виду наш дом здесь, на Кипре. Машина вон там, – Хелена указала на выход.

– Тогда давайте двигаться, – сказал Уильям.

* * *

– Хелена, как здесь прекрасно, действительно прекрасно, – восхищался Уильям, стоя на балконе второго этажа Пандоры.

– Правда?

– Правда. И дом... ну, ты совершила чудо, учитывая, что провела здесь всего несколько дней. Все выглядит таким свежим и ярким. – Он шагнул обратно в спальню, потом остановился и принюхался. – Это запах краски?

– Да.

– Когда ж ты все успела?

– Я бы не справилась. Мне помогли.

– Я впечатлен, – сказал Уильям. – В Англии я неделями ищу мастера, чтобы починить трубу, а уж покрасить дом за пару дней... Тем не менее мило, очень мило. И дом совсем не такой, как я себе воображал.

– А что ты воображал?

– Не знаю. Он очень... средиземноморский, что ли. Простой, чуточку спартанский... и, однако, этот дом можно поместить в глухую английскую деревушку, и он не будет казаться неуместным. Это скорее дом приходского священника, чем кипрская вилла. И с характером.

– Это очень старый дом.

– И с чудным старым карнизом. – Уильям окинул взглядом архитектора пропорции комнаты. – И высокими потолками. – Он провел руками по полированной крышке большого комода из красного дерева. – Я бы сказал, мебель здесь тоже довольно ценная.

– Ангус хотел создать здесь кусочек Англии, – объяснила Хелена. – Оттуда привезли все, вплоть до напольных часов в коридоре.

– И теперь это все твое.

– Наше, – с улыбкой поправила его Хелена.

– И, наверное, стоит немало.

– Я бы никогда не продала этот дом. – Ответ прозвучал

резковато.

– Нет, но не мешало бы знать, чтобы прикинуть, сколько он стоит. Хорошо бы его оценить.

– Там видно будет. – Хелена заставила себя не сердиться, что муж мог даже думать о Пандоре в контексте фунтов, шиллингов и пенсов. – Идем, дорогуша, я покажу тебе сады.

* * *

На закате они все вместе искупались в бассейне, а на ужин Хелена предложила отправиться в таверну «У Персефоны».

– Я покажу тебе деревню, – сказала она, пока Уильям преодолевал ухабистую дорогу. – И дети могут для разнообразия взять жареную картошку и куриные наггетсы.

Пройдя по улице (Уильям заявил, что обязательно должен как-нибудь зайти в симпатичную православную церковь), они зашли в «Персефону».

– Очень уютное местечко, – заметил Уильям, когда они сели за стол. Он усадил Фреда себе на колени, пытаясь усмирить ребенка, у которого усталость перешла в гиперактивность.

– Папа, можно мне подуть на свечку? – спросил Фред.

– Нет, нельзя. Вот, держи свою машинку. – Хелена достала из сумки игрушку и, зарывав, запустила ее по столу к Фреду. – Таверна практически не изменилась с тех пор, как я здесь была, и еда – пальчики оближешь.

– Мы же больше не будем есть бараньи какахи, да, мамочка? – вставила Имми.

– Нет, но папочка и я возьмем мезе. Тебе надо попробовать, – сказала Хелена, когда им принесли вино. Она сделала заказ для всех. – О, Уильям, еще я нашла уборщицу, которая также может сидеть с детьми. Да, Фред, твою еду сейчас принесут. Вот, Имми, возьми немножко хлеба, пока ждешь. – Хелена умело вела три разговора одновременно.

– Так или иначе, думаю, она нам понадобится, – устало ответил Уильям и повернулся к Алексу: – Ну, а что ты думаешь о Пандоре? Тебе нравится?

– Бассейн сказочный, – кивнул Алекс.

– А дом?

– Тоже ничего.

– Англия выиграла в крикет у Вест-Индии, ты знал?

– Нет. На здешнем телевизоре только кипрские каналы.

Уильям сдался. Когда Алекс отключал режим общения, проще было уступить.

К счастью, заказанное принесли быстро, и дети жадно накинулись на еду.

– Великолепное мезе, – сказал Уильям. – Фред, хочешь попробовать?

– Фу, бя-я-яка!! – Фред закрыл рот руками и яростно замотал головой.

– Надеюсь, он не собирается жить на куриных наггетсах с картошкой весь отпуск, дорогуша, – заметил Уильям, обра-

щаясь к жене.

– Ну, если и собирается, это его не убьет, не так ли? – возразила Хелена, запихивая еще немного еды сыну в рот.

– Ирландцы годами жили на одной картошке, – вставил Алекс.

– И умирали тысячами, – ответил Уильям.

– Это было во время голода, когда картошка была заражена и им нечего было есть. И, между прочим, полмира живет в основном на рисе, – педантично продолжал Алекс. – А это, по сути, сплошной углевод с небольшим количеством клетчатки.

– Мамочка, мне надо в туалет, пусть меня отведет Алекс, – вмешалась в разговор Имми.

– Везет же мне, – пробормотал Алекс. – Ну пошли.

– Я тоже! – Фред слез с высокого стула и потрусил за сестрой и братом.

За столом наступило затишье, и Уильям налил обоим еще вина.

– Значит, с Алексом все в порядке? – спросил он.

– Да, нормально. Или, по крайней мере, нормально для него. – Хелена чуть улыбнулась Уильяму. – Ты же знаешь, какой он.

– Знаю. А тебе каково – вернуться после стольких лет?

– Чудесно, да, по-настоящему чудесно. Я...

– Мамочка! Смотри, твой друг! – За спиной Хелены появилась Имми. – Я сказала, что ему надо подойти и позна-

комиться с папочкой.

Хелена обернулась и встретила взгляд синих глаз Алексиса.

– Привет, Хелена, – ему было явно неловко. – Прости, что мешаю вашей семье, но твоя дочь настаивала.

– Разумеется, ты нам не мешаешь, Алексис. Это Уильям, мой муж.

Алексис ухитрился высвободить руку из железной хватки Имми и протянул ее над столом.

– Рад познакомиться, Уильям.

– Я тоже. Алексис, не так ли?

– Да.

Возникла долгая пауза, во время которой Хелена отчаянно перебирала сотню разных способов нарушить молчание, ни один из которых не казался уместным.

– Папочка, Алексис отвез нас в Пафос на большом фургоне, – запищала Имми. – Он ходил с нами за покупками и помог мамочке украсить дом для тебя и Фреда.

– Правда? Тогда, вероятно, мне следовало бы поблагодарить тебя за помощь, Алексис, – спокойно ответил Уильям.

– Мне не трудно. Как тебе Пандора? – спросил он.

– Замечательный дом и прекрасно расположен.

– Семья Алексиса владела домом до того, как его купил Ангус, и Алексису принадлежат все виноградники вокруг. – К Хелене наконец вернулся дар речи.

– Ты делаешь вино? – спросил Уильям.

– Да, – Алексис указал на кувшин на столе. – Вы его пьете.

– Хорошее, очень хорошее. Могу я предложить тебе бокал?

– Нет, спасибо, Уильям. Я должен вернуться к своему гостю. Это виноторговец из Чили, и я хочу, чтобы он покупал у меня.

– Тогда заходи в Пандору и выпей с нами там, – предложил Уильям.

– Спасибо. Буду рад. Приятно познакомиться, Уильям. *Adio*, Хелена, Имми. – Он кивнул и удалился.

Алекс заметил Алексиса, когда вышел из туалета с Фредом, и задержался, пока тот не ушел.

– Что ему было надо? – спросил Алекс, когда они с Фредом снова сели за стол.

Неприязнь в его голосе сообщила Уильяму все, что нужно было знать.

Когда они вернулись в Пандору, Хелена уложила младших спать, потом набрала ванну. Она чувствовала себя разбитой: прошлой ночью уснуть не удалось. Вероятно, причиной послужило напряжение из-за приезда Уильяма и Фреда.

– DVD-плеер установлен в гостиной. – Алекс зашел в спальню, не постучавшись. Хелена знала, насколько эта привычка раздражает Уильяма.

– Хорошо, – ответила Хелена. – Я как раз собираюсь принять ванну. Ты идешь спать?

– Да. По крайней мере, у меня есть несколько книг на вы-

бор в моей новой библиотеке. Спокойной ночи, мам.

– Сладких снов, дорогуша.

– Спокойной ночи, Алекс. – Уильям появился в спальне, когда Алекс уходил.

– Спокойной ночи, пап.

Уильям крепко закрыл за ним дверь и прошел за Хеленой в ванную. Когда она залезла в ванну, он присел на край.

– Наконец-то покой, – сказал он с улыбкой, зевая и проводя рукой по темным волосам. – Думаю, я буду хорошо спать сегодня.

– Пять часов на самолете с Фредом кого угодно выведут из строя, – согласилась Хелена. – Он уснул на середине сказки. Я только надеюсь, что он проспит до утра, иначе мы не доживем до конца дня.

– Будем надеяться, – вздохнул Уильям. – Так откуда ты знаешь Алексиса?

– Мы познакомились, когда я была здесь в прошлый раз.

– Красивый мужчина.

– Пожалуй.

– Он наверняка был неотразим, когда вы познакомились, – намекнул Уильям.

Хелена сосредоточенно намыливалась.

– Признайся, – Уильям перестал прикидываться, – между вами что-то было?

– Дай, пожалуйста, полотенце.

– Вот, – Уильям подал ей полотенце, восхищаясь тем, как

ни возраст, ни роды, кажется, не оставили красноречивых отметок на теле жены. Со стекающей по коже водой она напоминала Уильяму нимфу, маленькие груди все еще высокие и полные, а живот плоский. Уильям ощутил шевеление в чреслах, когда наблюдал, как она вылезает из ванны и заворачивается в полотенце. – Ну? Ты не ответила на вопрос.

– У нас был курортный роман, когда я здесь жила, вот и все.

– И с тех пор ты его не видела?

– Нет.

– Так это было... невинно?

– Уильям, – вздохнула Хелена, – это было двадцать четыре года назад. Какое это имеет значение?

– Алексис женат?

– Был, но его жена умерла.

– Так значит, он вдовец.

– Да. – Хелена небрежно вытерла волосы, потом потянулась за халатом.

– Ты знала, что он будет здесь?

– Понятия не имела. Мы не разговаривали двадцать четыре года.

– Ты права. Это очень долгий срок.

– Да. Не хочешь макнуться, пока вода не остыла? А я пойду закрою нижний этаж. И, кстати, о нижнем этаже: завтра с утра я хотела бы поехать в Пафос и выбрать растения для чуждых старых урн на террасе и маленькой клумбы возле

бассейна. Ангелина здесь, так что она может пару часов посидеть с младшими. Ты поедешь со мной?

– Конечно.

– Прекрасно. До скорого.

Уильям разделся и погрузился в ванну, коря себя за спрос. Он поддался паранойе и обидел Хелену. Как она справедливо сказала, что бы ни произошло почти четверть века назад, это не имеет никакого отношения к настоящему. Но то, как Алексис смотрел на его жену в таверне... Уильям инстинктивно знал, что это взгляд человека, который все еще влюблен.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

14 июля 2006 года

Папе: «Привет, дорогу-уша».

Имми и Фреду: «Нет! Дор-рогуши!»

Мне: «Ох, дорогуша!»

Итак, мы все здесь и снова в Стране Питера Пэна. Мы – семейство Дарлинг, и моя мать – миссис Дарлинг. Удивительно, что она еще не взяла нам в няньки собаку, но давайте ей время. Зачем было утруждаться, давая каждому из нас отдельное имя, когда она использует одно слово для всех?

Особенно трудно, когда она кричит собирательное «дорогуша» с кухни и мы сбегаясь со всего дома, а она решает, кто из «дорогуш» ей нужен. В общем и целом, полагаю, она хорошая мать, но эти ее «дорогуши» меня просто бесят. Это, наверное, пережиток тех времен, когда она выступала в балете. Своего рода «театральная» привычка.

У нас семья из пяти человек (скоро будет шесть, когда приедет эта самая Хлоя) – довольно большая по нынешним стандартам. И внутри такой семейной группы каждому из нас, конечно же, приходится защищать свою индивидуальность. А что у нас более личное, чем имя?

Последнее время Фред начал ей подражать. Меня беспо-

коит, что ему придется весьма туго в школе, если он решит, что можно называть неизбежного хулигана в классе «дорогушей».

Во всяком случае, пока она не включила мистера Я-все-устрою в состав «дорогуш», я как-нибудь справлюсь.

Разумеется, когда-то я был «дорогушей» номер один. Я появился первым, раньше их всех.

И, если честно, иногда мне бывает трудно делить ее с другими. Она как круг мягкого сыра, и, когда я родился, весь круг был только мой. Потом она встретила папу, и большой кусок был отрезан, хотя, полагаю, у меня еще оставалась половина. Потом появилась Имми, которая получила свой ломоть, потом Фред, который получил еще один. И я уверен, ей придется отрезать еще кусочек для Хлои, так что мой кусок все время становится все меньше и меньше.

Меня серьезно шарахнуло сегодня, когда в аэропорту Имми бросилась в объятия отца, что у меня такого нет. В смысле отца. Уильям очень старается, но скажем так: если случится пожар, готов поставить всю мою коллекцию сувениров с Тинтином, он сначала будет спасать своих родных детей. Что формально еще уменьшает мой ломоть сыра, поскольку у папы, Имми и Фреда есть понемножку друг от друга.

Папа казался по-настоящему счастливым, когда я выиграл стипендию в ту школу. Он открыл бутылку шампанского, и мне тоже позволили выпить бокал. Вероятно, он праздновал то, что в будущем я почти все время буду далеко от дома и

ему больше не придется меня терпеть.

Почему я вдруг больше обычного заикнулся на этом деле с отцом?

Возможно, потому, что до сих пор матери всегда было довольно. Мне не нужен был больше никто.

Но последнее время (а я понимаю ее очень хорошо) я чувствую, что она ускользает.

Она сама не своя.

И я тоже.

5 Шесть

Уильям и Хелена провели раннее утро в маленьком садовом центре, который Хелена заметила на окраине Пафоса.

Последнее время им редко удавалось остаться только вдвоем, и, несмотря на относительно прозаическую задачу, Хелена с удовольствием бродила по залитым солнцем рядам растений рука об руку с Уильямом, выбирая яркие герани разных оттенков плюс несколько олеандров и кустов лаванды, которые, как она знала, выдержат засушливый климат. Владелец садового центра также держал при входе маленький ларек, торгующий свежими местными продуктами, так что они накупили с собой благоухающие крупные помидоры, дыни, сливы и душистые травы, загрузили все в багажник и отправились обратно в Пандору.

* * *

– Это тебя. Сэди. – Уильям зашел на кухню и протянул Хелене ее мобильник.

– Спасибо. Привет, дорогуша, как ты? – Хелена привычно зажала телефон между щекой и плечом, чтобы можно было и дальше мыть латук. – О нет, правда?... О, вот же черт! Ты в

порядке? Нет, я уверена... Да, здесь славно. Уильям и Фред приехали вчера, и мы все после обеда устроимся у бассейна, наслаждаясь покоем, пока не прибыли Чандлеры. Сэди, подожди пару секунд. – Она повернулась к Уильяму и указала на поднос с тарелками и приборами: – Можешь отнести это наружу и сказать детям, чтобы выбрались из воды и вытерлись перед ланчем?

Уильям ушел с подносом, и Хелена возобновила разговор с подругой:

– Конечно, ты встретишь кого-нибудь еще. Я все равно никогда не думала, что он «тот самый»... Что? Ну, если ты действительно хочешь, только я не знаю, где ты будешь спать. Мы уже трещим по швам. Ладно, – Хелена вздохнула. – Ну, выше нос. Просто сообщи время твоего рейса, и я встречу тебя в аэропорту. Пока, дорогуша.

Уильям вернулся на кухню.

– Дети вытираются. Надо забрать на стол что-нибудь еще?

Хелена вывалила листья латука в миску с нарезанными помидорами и огурцами, ловко перемешала их пальцами и подала миску Уильяму.

– Ну и, – спросил он, – как Сэди?

– Хочет покончить с собой. Марк сказал ей, что все кончено.

– Ясно.

– Я знаю, тебе он не очень нравился, да и мне, честно говоря, тоже. Но Сэди его любила.

– Я так и понял по тому, как ты часами висела на телефоне и слушала, как она поет ему дифирамбы.

– Да, но Сэди моя лучшая подруга, и я должна ее поддерживать. Проблема в том, что...

– ...она хочет приехать сюда, сбежать на несколько дней, чтобы исцелить разбитое сердце и поплакать на плече лучшей подруги, – закончил за нее Уильям.

– По сути, да, – согласилась Хелена.

– И когда она приезжает?

– Она сейчас звонит в авиакомпанию и пытается купить билет.

– Значит, скоро.

– Вероятно. Прости, дорогуша, но ее страшно слушать.

– Она быстро оправится. Как обычно, – мрачно пробормотал он.

Хелена схватила тарелку с холодным мясом из холодильника, не сводя глаз с Уильяма.

– Я знаю, это выглядит, будто она навязывается, но тебе надо помнить, что Сэди и я как сестры. Мы знали друг друга с начальной школы, и она практически все, что у меня осталось от семьи. Я люблю ее и просто не могу отказать.

– Я знаю, – вздохнул Уильям. – И мне нравится Сэди, правда-правда, но я просто боюсь, что этот так называемый отдых грозит превратиться в несколько недель каторжных работ, дом – в бесплатный отель, а я и, самое главное, ты – в его содержателей.

– В Пандоре и должно быть многолюдно. Тут всегда так было.

– Да, и, готов спорить, здесь еще был и полный штат обслуги, чтобы удовлетворять любые капризы гостей, – сказал Уильям. – Не хочу смотреть, как ты загоняешь себя, вот и все. Ты уже выглядишь измученной.

– Я спрошу Ангелину, сможет ли она помогать больше, особенно с едой. Она когда-то готовила для Ангуса, а он был ужасно привередлив, так что я уверена, что она справится.

– Ладно, – уступил Уильям, зная, что все уже решено. – Идем? – Он предложил жене руку, и она последовала за ним на залитую солнечным светом террасу.

Трое детей уже собрались вокруг стола под перголой в разной степени раздетости, а Фред и вовсе голый.

– Мама, прости, но я не хочу все лето присматривать за Фредом и Имми в бассейне, – пожаловался Алекс, тяжело опускаясь на стул. – Имми просто все время хочет прыгать в воду, и я не могу оставить ее из боязни, что она ушибется или утонет, и это просто... скучно.

– Знаю, Алекс. После ланча я приду сюда и сменю тебя, обещаю, – сказала Хелена, раскладывая по тарелкам салат. – Хотите новость? К нам приезжает тетушка Сэди.

– Еще один ломтик, – пробормотал себе под нос Алекс.

– Что, Алекс? – спросил Уильям.

– Ничего. Имми, передай мне, пожалуйста, питу.

– Это означает, что нам придется в очередной раз перерас-

пределить спальни, – сказала Хелена. – Пожалуй, если расчистить кладовку, забитую вещами Ангуса, Сэди могла бы спать там. Комната небольшая, но там надо будет поработать.

– И найти мусорный контейнер, судя по тому, что я там видел. Он явно был барахольщиком, – добавил Уильям.

– В таких местах можно найти все, что угодно, мама, – обрадовался Алекс. – Я помогу. Люблю копаться во всяком хламе.

– Мы догадались по состоянию твоей спальни, – заметил Уильям.

– Спасибо, Алекс, – сказала Хелена, игнорируя замечание мужа. – Мы могли бы заняться этим во второй половине дня.

– Папочка, а когда ты возьмешь нас в аквапарк? – спросила Имми.

– Скоро, Имми, но, по-моему, нам пока хватит аквапарка в саду.

– Но здесь нет горок, и вообще...

– Ешь ветчину, Имми, а не играй с ней. Папочка только что приехал. Перестань приставать к нему, – сделала замечание Хелена.

– Если только ты не хочешь, чтобы я повез их в аквапарк сегодня, чтобы они не мешали тебе очистить кладовку? – предложил Уильям. – И помни, завтра приезжает Хлоя. Мне надо встретить ее в аэропорту. А на следующий день приезжают Чандлеры, помоги нам Господь.

– Да! Папочка! Сегодня! Сегодня! – Фред присоединился

к воплям Имми, синхронно колотя ложкой по тарелке.

– Хватит! – рявкнул Уильям. – Если вы пообещаете все съесть, мы поедем позже, когда солнце немного спустится.

– Ты, наверное, прав насчет мусорного контейнера, – размышляла Хелена. – Но где же его взять, я понятия не имею.

– Мамочка, можно мне апельсинового сока? Я пить хочу, – спросил Фред.

– Я принесу, Фред. – Уильям встал, поглядел на Хелену и криво усмехнулся. – Уверен, твой друг Алексис знает. Позвони ему.

* * *

Хелена и Алекс стояли в дверях кладовки – главным образом потому, что войти было невозможно.

– Господи, мама, откуда начинать? – Глядя на мебель и бесконечные коричневые коробки, Алекс начал жалеть, что не отправился со всеми в аквапарк.

– Принеси стул из спальни Имми и Фреда. Если встать на него, мы сможем вытащить часть коробок и сложить на лестничной площадке. Тогда, по крайней мере, можно будет зайти.

– Ладно.

Алекс принес стул, залез на него и передал Хелене первую коробку сверху. Потом слез, чтобы посмотреть, что внутри.

– Ого! Здесь полно старых фотографий. Ты только глянь!

Это Ангус?

Хелена посмотрела на красивого светловолосого военного при полном параде и кивнула.

– Да. И на этой... он на террасе Пандоры с какими-то людьми, которых я не знаю, и... боже, это моя мать с ним!

– Твоя мама красавица. Она похожа на тебя, – заметил Алекс.

– Скорее я похожа на нее, – улыбнулась Хелена. – До замужества она была актрисой. Довольно успешной, играла главные роли в разных пьесах Вест-Энда и считалась настоящей красавицей.

– И отказалась от карьеры, чтобы выйти за твоего отца?

– Да, хотя вышла за него сильно за тридцать. Я родилась, когда ей было сорок.

– Но ведь рожать так поздно в те времена было необычно?

– Очень, – Хелена улыбнулась Алексу. – Мне кажется, я появилась по ошибке. На самом деле она не очень-то годилась в матери, твоя бабушка.

– Я когда-нибудь с ней встречался? – спросил Алекс.

– Нет. Она умерла еще до твоего рождения. Мне было двадцать три, и я тогда танцевала в Италии.

– Ты скучаешь по ней теперь, когда она умерла?

– Честно говоря, Алекс, не очень. Меня отослали в школу-пансион, когда мне было десять, и даже до этого я росла с няней. У меня всегда было ощущение, что я просто мешаюсь под ногами.

– Ох, мам, как ужасно, – Алекс сочувствующе погладил ее по руке.

– Вообще-то, нет, – пожала плечами Хелена. – Меня так воспитывали – не ожидать ничего другого. Отец был гораздо старше мамы, почти шестьдесят, когда я родилась. Он был очень богатым, владел поместьем в Кении и месяцами пропадал на охоте. Моих родителей, наверное, можно назвать светскими людьми: всегда путешествовали, устраивали приемы... маленькая девочка совсем не вписывалась в стиль их жизни.

– Дедушку я тоже никогда не встречал, да?

– Нет, он умер, когда мне было четырнадцать.

– Если он был таким богатым, ты получила много денег, когда он умер?

– Нет. Моя мать была его второй женой. У него было двое сыновей от первого брака, и все унаследовали они. А мама была настоящей транжирой, так что после ее смерти осталось немного.

– Похоже, отстойное у тебя было детство.

– Нет, просто другое, вот и все. Хотя я тогда научилась самостоятельности. – Хелена ощутила обычный дискомфорт, как всегда, когда разговор заходил о детстве. – И твердо решила, что у меня будет настоящая семья. И вообще, давай отставим эту коробку в сторону. Если мы будем разбирать содержимое каждой, что достаем отсюда, мы никогда не очистим комнату.

– Ладно.

Они дружно работали следующие два часа, вытаскивая из комнаты прошлое Ангуса. Алекс раскопал сундук со старыми мундирами и спустился вслед за матерью на кухню в фуражке цвета хаки и с офицерской саблей.

– Тебе очень к лицу, дорогуша. – Хелена налила им обоим воды и жадно выпила свой стакан. – Такая работа на самом деле не для этой нестерпимой жары. Но, по-моему, мы уже сделали больше половины.

– Ага, но что мы со всем этим будем делать? В смысле нельзя же все это просто выбросить, правда? – Алекс махнул саблей, которая оказалась страшно тяжелой.

– Давай повесим ее где-нибудь на стене, а коробки с фотографиями и прочими реликвиями отнесем в сарай, пока у меня до них руки не дойдут. Что до остального... нам нужен мусорный контейнер. Мне лучше позвонить Алексису, как предложил папа, и спросить, знает ли он, где такой найти.

Алекс промолчал, когда Хелена набрала номер и ушла говорить на террасу. Вскоре она вернулась и кивнула.

– Хорошие новости. Он приедет на своем грузовике, загрузит хлам и сам отвезет на свалку. Нам вообще не понадобится контейнер. Давай-ка вернемся к работе. Алексис приедет в пять.

Остановив машину возле Пандоры, Уильям увидел, как Алексис несет большую коробку в сарай. Кузов грузовика, припаркованного перед домом, был забит сломанной мебелью, старыми абажурами и изъеденными молью коврами. Он оставил Имми и Фреда спать на заднем сиденье, открыв дверь, чтобы впустить вечерний ветерок, и пошел в дом искать жену.

– Привет, дорогуша. – Хелена нашлась наверху. Она стояла возле открытой двери в пустую кладовку с веником, вся в пыли, но торжествующая. – Правда, здорово? Комната гораздо больше, чем я думала. Здесь легко поместится двуспальная кровать. Алексис говорит, у него в комнате для гостей есть такая и мы можем ее позаимствовать.

– Отлично.

– Стены нужно покрасить, разумеется, но здесь такой чудесный вид на горы, и на полу не плитка, а паркет, так что я подумала, что со временем мы его отлакируем.

– Здорово, – сказал Уильям. – Значит, твой друг помогал тебе.

– Да, он приехал около часа назад. Перетащил все коробки, которые я хочу разобрать, в сарай, а хлам отвезет на свалку.

Уильям кивнул.

– Уверен, он очень помог, но знаешь, ты могла бы попросить меня перенести эти коробки.

– Тебя здесь не было, Уильям, а Алексис предложил свои услуги, вот и все.

Уильям не ответил. Он повернулся и пошел по коридору к лестнице.

– Ты же не сердись, да? – крикнула она вслед.

– Нет. – Уильям исчез внизу.

Хелена стукнула по дверной раме.

– Ох, ради всего святого! Ты сам посоветовал ему позвонить. – Бормоча под нос, она спустилась по лестнице следом за мужем и обнаружила на кухне Алексиса.

– Все сделано. Теперь я отвезу хлам на свалку.

– Ты не останешься с нами выпить?

– Нет, спасибо. До скорой встречи.

– Пока. И еще раз огромное тебе спасибо.

Алексис улыбнулся, кивнул и вышел через заднюю дверь.

Забрав двоих ворчащих, усталых детей из машины, накормив их и потом устроив на диване в гостиной перед DVD, Хелена налила себе бокал вина и вышла на террасу. Она слышала, как плещется в бассейне Алекс, и видела Уильяма, облокотившегося на балюстраду в конце террасы. Она села под перголой, не настроенная выдавать свое присутствие. Наконец он повернулся к ней, подошел и сел рядом.

– Прости, Хелена, это было грубо с моей стороны. Просто непривычно: другой мужчина делает то, что обычно делаю

я. У меня ощущение, будто я вошел в твой мир, где мне не место.

– Дорогуша, ты не провел здесь и дня. Ты еще привыкаешь к этому месту.

– Нет, тут нечто большее, – вздохнул он. – Это твое королевство, твой дом, твоя жизнь из другого времени. Так или иначе, у меня именно такое чувство.

– Тебе здесь не нравится?

– Не в этом дело. Тут прекрасно, но... – Уильям покачал головой. – Мне надо выпить. Минуту. – Он исчез в доме и вернулся с бутылкой и бокалом. – Долить?

Хелена кивнула, и он наполнил ее бокал.

– Весьма неплохое вино. Твой друг явно знает, что делает.

– Его имя Алексис, Уильям, и да, знает, но опять же, его учили с колыбели.

– Ну... полагаю, нам следовало бы пригласить его на ужин, чтобы отблагодарить должным образом.

– Нет никакой необходимости.

– Есть. Откровенно говоря, – он сделал еще глоток вина, – я, наверное, волнуясь из-за завтрашнего.

– Это ты о приезде Хлои?

– Да. Эта дочь моя, которую я больше не знаю и которую учили только, какая я дрянь... понятия не имею, какой она будет, но чертовски уверен, что приехать сюда было не ее идеей. Она, должно быть, злится, что ее отправили к нам, чтобы мать могла на свободе крутить любовь во Франции. С

ней может быть очень трудно, Хелена. И... – Уильям снова пригубил вино, – это не ее вина.

– Уверена, мы справимся, дорогуша. И здесь будет много народу, что должно разрядить любое напряжение.

– Которого здесь просто обязано быть много и с самых разных сторон.

– Мы справимся. – Хелена потянулась к нему и сжала его руку. – Мы всегда справляемся.

– Да, но... – Уильям вздохнул. – Я надеялся, что мы сможем не просто «справиться». Что это лето станет для нас возможностью *развлечься*.

– И я не понимаю, почему это невозможно. У нас тут определенно интересные персонажи в списке гостей.

– Кстати, Сэди уже проявилась?

– Да. Она прилетает тем же рейсом, что и Чандлеры. Я спрошу, смогут ли они привезти ее сюда из аэропорта.

– Господи! – Уильям выдавил кривую улыбку. – Пресловутая Джулз и ее забитый супруг, не упоминая Рупса и Виолу, думающая о самоубийстве Сэди... и дочь, которую я почти не знаю.

– Ну, если так формулировать, звучит совершенно жутко, – согласилась Хелена. – Может, откажемся и сбежим домой?

– Ты права. Прости меня, я все вижу в черном свете. Кстати говоря, ты упоминала о грядущем приезде Хлои Имми и Фреду? – спросил Уильям.

– Нет. Я сказала Алексу, но подумала, что ты предпочитаешь рассказать младшим сам.

– Верно. Тогда мне лучше поторопиться. Есть идеи, как им сообщить? – спросил он.

– Как бы невзначай, будто это ерунда. И помни, кровь не водица. Хлоя их сводная сестра, и у них на пятьдесят процентов общие гены.

– Ты права. Меня просто беспокоят вторые пятьдесят процентов. Что, если она похожа на свою мать?

– Тогда да поможет нам Бог. Хочешь, скажем Имми и Фреду вместе?

– Да, – Уильям благодарно кивнул. – Спасибо, Хелена.

* * *

Младшие, как и ожидала Хелена, спокойно восприняли предстоящий приезд сестры, которую никогда не видели.

– Папочка, она милая? – спросила Имми, устроившись на коленях Уильяма. – Как она выглядит?

– Ну, когда-то все говорили, что Хлоя похожа на меня.

– У нее короткие каштановые волосы и большие уши? Фу-у!

– Спасибо, солнышко. – Уильям поцеловал дочь в макушку. – Она гораздо симпатичнее меня, обещаю.

– А Кокоя к нам навсегда? – спросил Фред из-под стола, где он играл с одной из своих машинок.

– Это Хлоя, Фред, – поправила Хелена. – Нет, только пока мы здесь, на Кипре.

– Значит, она живет одна?

– Нет, она живет со своей мамочкой, – объяснил Уильям.

– Тогда почему я никогда ее не видел?

– У нее другая мамочка, дорогуша. – Хелена знала, что бессмысленно пытаться логично объяснить ситуацию трех-летнему ребенку. – И вообще, детки, пора спать.

Последовал обычный хор жалоб, но в конце концов оба были уложены в кровати. Хелена нежно поцеловала обоих в покрытые сладким потом лбы.

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. – Она тихо закрыла за собой дверь и на лестничной площадке наткнулась на Алекса, тащившего рюкзак вниз в новый спальный отсек.

– Привет, мам, все нормально?

– Да. А у тебя?

– Ага.

– Тебе не надо переезжать до завтра, ты же знаешь. Папа поедет встречать Хлою только после обеда. Утром будет масса времени сменить простыни и привести комнату в порядок.

– Я хочу сейчас, – он начал спускаться.

– Ладно. Я уже поставила туда вентилятор. Не хочу, чтобы у тебя снова случился тепловой удар.

– Спасибо, – Алекс остановился и посмотрел на нее. – Ты собираешься разбирать те коробки в сарае?

– Да, когда будет время, а значит, определенно не в ближайшие дни.

– Можно мне?

– Если ты ничего не будешь выбрасывать.

– Конечно, не буду. Ты же меня знаешь, мам, я люблю историю. Особенно мою собственную, – добавил он с нажимом.

– Но Алекс, – Хелена пропустила реплику мимо ушей, – многие из этих вещей ничего для тебя не значат. Не забудь, Ангус не был моим родственником. Он был моим крестным отцом.

– И все равно, может быть, я узнаю что-нибудь о нем. Интересно, правда же?

– Да, конечно. – Хелена, разумеется, заметила намек. Алекс искал ответы, но она знала, что он ничего не найдет в коробках Ангуса. – Берись, но я не хочу, чтобы ты завтра застрял там на весь день. Приезжают гости, и мне понадобится твоя помощь.

– Конечно. Спокойной ночи, мам, – сказал он, когда они добрались до его новой спальни.

– До завтра, дорогуша, – ответила она, и Алекс закрыл дверь.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

15 июля 2006 года

Я сижу на кровати в своей каморке. Вентилятор, которым меня снабдила мать, так близко, что высохнуть можно ровно за минуту. Я только что притащил из сарая коробку, заполненную письмами и фотографиями, которые могут быть связаны со мной и моим прошлым – а могут и не быть.

Моя мать не глупа. Она знает, что я ищу. Она знает, как сильно я хочу знать...

Кто Я.

Мама, похоже, не беспокоилась, что в этих коробках я найду ключ к великой тайне, поэтому вряд ли в вещах Ангуса попадетсЯ что-то стоящее.

Интересно, почему она так скрытничает о своем прошлом? Почти никогда не упоминает своих родителей, или где она росла, или как. Сегодня она выдала неожиданно много информации.

Я тут же осознал, что большинство детей знают своих бабушек и дедушек или хотя бы их помнят. Я же знаю наверняка только, что Хелена Элиза Бомонт – моя мать и что я родился в Вене (этого она не могла скрыть, потому что так написано в моем свидетельстве о рождении) и жил там до трех

лет, после чего она встретила папу, мы вернулись в Англию и они поженились. Очевидно, в раннем детстве я был билингвой. Теперь же я с трудом считаю на немецком до десяти.

Ложусь, закинув руки за голову, и смотрю на потрескавшийся, желтеющий потолок. И размышляю, что у моего друга Джейка (я использую этот термин условно, в том плане, что мы эпизодически общаемся и он не такой кретин, как все остальные в моем классе) есть мать, уютно полненькая и какая-то домашняя на вид, какими и бывает большинство мам сыновей-подростков. Она работает на полставки секретарем в медицинской клинике и делает замечательные кексы, когда я заглядываю на чай, и все в ней...

...нормальное.

Вся ее жизнь представлена в фотографиях на буфете, рядом со свежеиспеченными сконами. Джейк все знает о своих бабушках и дедушках и кто его отец, поскольку видит его каждый день. Единственная тайна, которую ему надо разгадать, это как уговорить маму одолжить десятку на покупку новейшей игры для игровой приставки.

Так почему же моя мать и мое прошлое такая тайна?

Делаю глубокий вдох и понимаю, что снова начинаю серьезно заикливаться. По-видимому, это нормальное свойство для такого, как я. «Одаренного» ребенка. Ненавижу быть статистической величиной и очень стараюсь не соответствовать, но иногда это сложно. Чтобы отвлечься, сажусь прямо и начинаю вытаскивать из коробки бесконечные ко-

ричневатые фотографии неизвестных людей, которые сейчас почти наверняка мертвы. На некоторых проставлены даты на обороте, на некоторых нет.

В молодости Ангус был очень интересным, особенно в мундире. Странно, что он так и не женился. Если только не был геем. На вид непохоже, но по внешности не угадаешь. Я часто размышлял, как узнать, гей ты или нет. Я, может, и не такой, как все, но определенно натурал, как ни странно.

Наконец я добрался до дна коробки, с трудом пробившись через груды фотографий и переписки касательно доставки виски из Саутгемптона и таможенных пошлин на ввоз такой-то картины или такого-то предмета мебели. Потом я вытаскиваю пухлый коричневый конверт, адресованный «полковнику Макклэддену» в Пандоре, и сую руку внутрь.

По кровати разлетается масса тонких голубых конвертов авиапочты. Заглядываю в один и вижу, что содержимое все еще в полной сохранности. Вынимаю письмо и вижу сверху дату, «12 декабря», но ни года, ни адреса.

Читаю первую строчку:

«Моя дорогая, дорогая девочка».

Ну да. Не надо быть Холмсом и Уотсоном, чтобы заключить, что это любовное письмо. Очень красивое: написано чернилами и тем изящным почерком, какому учили в те времена.

Проглядываю его. Это панегирик неизвестной женщине, именуемой «дорогой девочкой». Уйма «дни без тебя беско-

нечны, и я жажду, чтобы ты вернулась в мои объятия...».

Совершенно не в моем вкусе – вся эта слащавость. Я-то предпочитаю триллеры. Или Фрейда.

Больше всего раздражает, что в конце нет подписи, просто неразборчивая закорючка, которая могла бы быть любой из, наверное, дюжины букв.

Убираю письмо в конверт и открываю еще парочку. Они написаны в подобном духе и дают не больше зацепок насчет времени или личности, чем первое.

Заглядываю в большой коричневый конверт, чтобы проверить, не осталось ли там еще чего-нибудь, и нахожу сложенный листок бумаги.

«Полагаю, эти письма – Ваша собственность. Посему возвращаю отправителю».

Вот и все.

Итак, автор этих писем явно Ангус. Что также решает одну загадку и подтверждает, что он определенно не был геем.

Зеваю. Как же я устал, таская все эти коробки по жаре. Завтра утром отдам эти письма матери. Они определенно больше в ее вкусе, чем в моем.

Выключаю свет и ложусь на спину, вытаскивая Би из-под подушки и укладывая под мышку. Наслаждаюсь ветерком от вентилятора и размышляю, как такой человек, подобный Ангусу, мог командовать войсками и стрелять в людей – и при этом писать такие письма?

Пока она для меня тайна, эта самая «любовь», но рискну

предположить, что однажды все само собой разъяснится.
Когда-нибудь.

ξ

Семь

Где же она, *черт возьми*?

Взволнованный Уильям запустил пальцы в волосы.

Самолет приземлился больше часа назад. Пассажиры высыпали из зоны прилета, и теперь в зале ожидания было зло-веще тихо.

Он попытался позвонить жене на мобильный, но та не отвечала. Он высадил ее с детьми возле местной фирмы проката автомобилей в Пафосе, поскольку было решено, что каждому из них определенно понадобится машина. Хелена сказала, что, скорее всего, возьмет детей на пляж. Уильям оставил ей сообщение с просьбой срочно перезвонить, потом, еще раз пройдясь по залу ожидания, направился к стойке информации.

— Здравствуйте, вы не могли бы проверить, прилетела ли моя дочь утренним рейсом из Гетвика. Я ее встречаю, а она до сих пор не появилась.

Женщина кивнула.

— Имя?

— Хлоя Кук.

Женщина пощелкала клавишами компьютера, прокрутила экран и наконец подняла голову.

— Нет, сэр. На рейсе не было пассажира с таким именем.

– Господи. – Уильям выругался вполголоса. – А можно проверить, летит ли она сегодня другим рейсом из Англии?

– Я могу попробовать, но у нас несколько рейсов из малых аэропортов по всей стране.

– Был сегодня рейс из Станстеда? – Уильям доверился интуиции.

– Да, он приземлился за полчаса до рейса из Гетвика.

– Пожалуйста, вы не могли бы проверить его?

Снова щелчки клавиш, и женщина наконец подняла голову и кивнула.

– Да, мисс Х. Кук была на рейсе из Станстеда.

– Спасибо.

Уильям отошел от стойки, в крови бурлили облегчение и гнев. Очевидно, его бывшая жена поменяла билет, не сообщив ему. «Для нее это обычное дело», – яростно подумал он и, подавив гнев, отправился на поиски дочери.

Двадцать минут спустя, уже готовый заявить в полицию аэропорта о похищении несовершеннолетней, Уильям заглянул в маленький бар рядом с залом прилета.

Там было пусто, если не считать молоденькой девушки и темноволосого молодого человека, которые сидели рядом на высоких табуретах и курили. Издали Уильям увидел гриву длинных каштановых волос и напоминающую сифиду фигуру в обтягивающей футболке и мини-юбке. Скрестив бесконечно длинные голые ноги, девушка то снимала балет-

ку с ноги, то вновь надевала. Подойдя ближе, Уильям осознал, что перед ним Хлоя – его дочь, которая за прошедшие несколько лет изменилась до неузнаваемости, превратившись из ребенка в прекрасную молодую женщину.

Уильям заметил привлекательность дочери, как – очевидно – и мужчина, сидящий напротив нее. Его рука легко лежала на голом бедре Хлои. Уильям быстро двинулся к ним, разглядев, что мужчина старше, чем казался издали. Подавив первобытный порыв ударить его, Уильям остановился чуть в стороне.

– Привет, Хлоя.

Она обернулась, увидела его и лениво улыбнулась.

– Привет, папочка. Как ты?

Демонстративно затянувшись в последний раз, она погасила сигарету. Уильям подошел и церемонно поцеловал ее в щеку.

Как и пристало с незнакомкой.

– Это Кристоф. Он составил мне компанию, пока я тебя ждала. – Хлоя снова обратила взгляд огромных оленьих карих глаз на ухажера. – Он рассказал мне обо всех крутых здешних клубах.

– Хорошо. А теперь идем.

– Ладно. – Хлоя изящно соскользнула с табурета. – У меня есть номер твоего мобильного, Кристоф. Я позвоню, и ты сможешь показать мне красоты Пафоса.

Мужчина молча кивнул и слегка поклонился, когда Хлоя

вышла из бара следом за Уильямом.

– Где твой чемодан? – спросил он, глядя на ее маленькую дорожную сумку.

– Не взяла, – беззаботно ответила она. – Мне здесь все равно понадобятся разве что парочка бикини и несколько саронгов. Путешествовать налегке клево.

– Прости, что не встретил сразу. Твоя мама дала мне неправильные данные, само собой, – сказал он, выходя на яркий солнечный свет к машине.

– Мы думали, что будем в Лондоне, но потом оказались в коттедже в Блэки, и мама обнаружила, что я могу улететь сюда из Станстеда. Она пыталась сообщить тебе, но не смогла дозвониться.

Уильям постоянно держал мобильник при себе на случай обычных изменений в последнюю минуту, тесно связанных со встречей Хлои. Он сглотнул, зная, что это, вероятно, только первый из многочисленных случаев, когда ему придется прикусывать язык ради *détente*¹.

– Знаешь, я искал тебя повсюду в аэропорту, когда приехал. Чистая удача, что я заглянул в этот бар. Туда можно только тем, кто старше восемнадцати, Хлоя, на двери висит объявление.

– Ой, да ладно, ты же в конце концов нашел меня. Это твоя машина?

– Да, – Уильям открыл дверь.

¹ Разрядка напряженности (*фр.*). (Здесь и далее – прим. перев.)

– Ого, минивэн.

– Боюсь, что да. Нас много. Залезай.

Хлоя забросила сумку на заднее сиденье, подсунула руки под каштановые волосы, чтобы отвести их от лебединой шеи, и зевнула.

– Я жутко устала. Пришлось встать в половине четвертого утра. Рейс был в семь.

– Мама отвезла тебя в аэропорт?

– Господи, нет. Ты же знаешь, какая она с утра пораньше. Она заранее вызвала мне такси. – Хлоя повернулась к нему и улыбнулась. – Я теперь большая девочка, пап.

– Тебе четырнадцать, Хлоя, еще два года до минимального возраста, когда по закону разрешено курить, позволю себе заметить. – Уильям повернул ключ, завел двигатель и тронул машину.

– На самом деле пятнадцать через месяц, так что остынь, папочка. Я только иногда покуриваю. Не заядлая курильщица.

– Ну тогда ладно, – ответил Уильям, зная, что дочь не заметит иронии. – Как школа?

– О, знаешь, школа есть школа. Жду не дождусь, когда закончу.

– И что тогда? – Уильям с горечью сознавал, что нормальный отец знал бы ответ на этот вопрос. От этой мысли стало еще хуже.

– Пока без понятия. Может быть, попутешествую, потом

стану моделью.

– Естественно.

– Меня уже заметило одно агентство, но мама говорит, что сначала надо получить аттестат.

– Она права. Надо.

– Девочки теперь начинают работать моделями в двенадцать. В шестнадцать я буду перестарком, – вздохнула Хлоя.

Уильям хмыкнул.

– Едва ли, Хлоя.

– Ну, когда-нибудь вы оба пожалеете, что из-за вас я упустила шанс заработать кучу денег и стать знаменитой.

– Твоя мама рассказала тебе об Имми и Фреде? – изменил тему Уильям.

– Ты имеешь в виду моих мелких брата и сестру? Ага, конечно.

– Как ты насчет встретиться с ними?

– Клево. В смысле в этом же нет ничего необычного, да? Моя лучшая подруга Гея – дочка рок-звезды... Майк как-то там... он был очень знаменитым в ваши дни, и у нее столько сводных и приемных, что она счет потеряла. Ее папе за шестьдесят, и его нынешняя подруга ждет ребенка.

– Я рад, что ты считаешь это нормальным, Хлоя.

– Ага. Как говорит Гея, иметь разведенных и заведших новые семьи родителей особенно хорошо на Рождество, потому что они все покупают тебе подарки, чтобы склонить на свою сторону.

– Необычный подход. – Уильям сглотнул. – Хелена с нетерпением ждет встречи с тобой.

– Да?

– Да, и Алекс, ее сын. Помнишь его?

– Вообще-то нет.

– Только предупреждаю, что Алекс необычный мальчик.

По результатам тестов он «одаренный», то есть он может показаться немножко странным. Но это не так. Просто интеллектуально он развит не по годам.

– Ты хочешь сказать, что он зубрила?

– Нет, он просто... – Уильям пытался подобрать слова, чтобы объяснить пасынка, – другой. Еще приезжают Чандлеры, наши старые друзья, и Сэди, лучшая подруга Хелены, так что дом будет переполнен. Будет весело.

Хлоя не ответила. Уильям посмотрел на нее и увидел, что она крепко спит.

Дома никого не было, когда он остановил машину перед Пандорой. Он мягко встряхнул Хлою.

– Мы приехали.

Хлоя открыла глаза и лениво потянулась. Посмотрела на отца.

– Который час?

– Четыре десять. Пошли, я покажу тебе вид.

– Лады. – Хлоя вылезла из машины и пошла за отцом вокруг дома на террасу.

– Клево, – она одобрительно кивнула.

– Рад, что тебе нравится. Хелена получила дом в наследство от крестного, так что интерьер надо бы обновить, – добавил Уильям, когда Хлоя вошла через стеклянную дверь в гостиную.

– По-моему, все идеально именно так, как оно есть. Будто из фильма по Агате Кристи, – сказала Хлоя. – А бассейн есть?

– Да, за воротами слева от террасы.

– Здорово. Тогда я пойду поплаваю, – Хлоя тут же сняла футболку и юбку, под которыми оказалось откровеннейшее бикини, и выплыла из гостиной.

Уильям посмотрел, как она шествует по террасе, и тяжело опустился на стул под перголой.

Либо Хлоя была непревзойденной актрисой, либо все его страхи насчет ее отношения к нему были безосновательны. Всю прошлую неделю он репетировал, что скажет ей, когда она упрекнет его, что бросил, что не любит ее... готовился к эмоциональным минам, которые наверняка заложила ее мать.

Хлоя была, выражаясь ее словами, «клевой». Такой клевой, осознал Уильям, что ее равнодушие уязвляло его ничуть не меньше, чем застарелая ненависть, которую он ожидал. Ей, кажется, было *безразлично*, что она не видела его почти шесть лет.

Но, размышлял он, может ли четырнадцатилетний ребенок на самом деле быть таким самоуверенным? Или это иг-

ра, чтобы спрятать под личиной самоуверенности испуганную девочку? Уильям с горечью осознал, что ему недоступен механизм работы женского ума. Оставалось только одно: спросить Хелену, когда та вернется.

Через десять минут подъехала ее новая прокатная машина и оттуда на террасу беспорядочно вывалилось все семейство.

– Привет, папочка! – Имми прыгнула ему в объятия. – Я построила большой замок из песка, а Фред его развалил. Противный.

– Я тебя убью! – на террасе появился Фред с пластмассовым водяным пистолетом.

Имми завопила и уткнулась лицом в плечо Уильяма.

– Прогони его!

– Опусти его, Фред. Ты пугаешь Имми.

– Не-не. Она первая убила меня на пляже, – он яростно покивал. – Где Кокоя?

– Хлоя, Фред. – Хелена развешивала мокрые пляжные полотенца на балюстраде. – И действительно, где она?

– В бассейне, – сказал Уильям, опуская Имми на землю.

– Как она? – спросила Хелена вполголоса.

– Прекрасно, просто прекрасно. Полагаю, ты увидишь, что она немного выросла с тех пор, как мы видели ее последний раз. Во *всех* смыслах, – сказал Уильям, поморщившись.

Хелена увидела, что Алекс притаился на краю террасы, пытаясь украдкой разглядеть за оливами бассейн.

– Что ж, может быть, пойдём все вместе и поздороваемся?

– Не надо. Я здесь.

Хлоя появилась на террасе – на гибком теле ещё блестели капельки воды после купания – и подошла к Хелене.

– Привет, – девочка поцеловала её в обе щеки. – Классный у тебя дом.

– Спасибо, – улыбнулась Хелена.

– А эти двое – мои младшие сестренка и братишка, да? Тогда подойдите поздороваться, – подбодрила она.

Имми и Фред оба молча таращились на экзотичное длинноногое существо и не двигались.

– О, они такие милые! Имми – твоя копия, Хелена, а Фред точь-в-точь папочка. – Она подошла к ним и опустилась на колени. – Привет, я Хлоя, ваша старшая и очень плохая, давно пропавшая сестра.

– Папочка сказал, что ты похожа на него, но у тебя нет больших ушей и у тебя красивые длинные волосы, – застенчиво произнесла Имми.

Хлоя улыбнулась Уильяму.

– Ну и хорошо, – она протянула Имми руку. – Ты покажешь мне твой красивый дом?

– Да. Мы с мамочкой поставили цветы в твою спальню, – сказала Имми, беря предложенную руку Хлои.

– Кстати, у меня в сумке, наверное, есть конфеты. – Она оглянулась на Фреда, когда Имми повела её к дому.

– Можно я тоже пойду? – Фред выскочил из-за Уильяма

и побежал к ним на пухлых ножках.

– Ты рядом со мной, Хлоя, – доносился из дома высокий голосок Имми.

– И со мной, – добавил Фред. – Где конфеты, Кокоя? Хелена глянула на Уильяма и улыбнулась.

– По-моему, начало удачное. Силы небесные, она прелестна.

– Да, прелестна, только чересчур взрослая для четырнадцати лет.

– Ей почти пятнадцать, не забывай. И девочки, как правило, взрослеют быстрее мальчиков, дорогуша. Если не сильно затруднит, принеси чего-нибудь холодного? Умираю от жажды.

– Разумеется, миледи. Мне бы тоже не помешало. – Уильям кивнул ей и пошел в дом.

Хелена повернулась и увидела за спиной Алекса.

– С тобой все в порядке? Выглядишь словно призрак увидел.

Алекс открыл рот, но слова не шли. Он пожал плечами.

– Ты не поздоровался с Хлоей, Алекс.

– Ага, – выдавил он.

– Хочешь пойти наверх с остальными?

Он покачал головой.

– Пойду в свою комнату. По-моему, у меня начинается мигрень.

– Возможно, слишком много солнца, дорогуша. Иди от-

дохни, я позову тебя к ужину, – предложила Хелена. – Его приготовила Ангелина и оставила для нас в духовке. Пахнет восхитительно.

Алекс что-то буркнул и пошел в дом.

– Что это с ним? – спросил Уильям, принесший два звякивающих бокала холодного лимонада. Он встретил па-сынка на пути из дома. Хелена была единственной, кто мог разгадать настроение Алекса.

– Ничего страшного.

Когда Уильям сел, Хелена подошла к нему сзади и помас-сировала плечи.

– Кстати, я получила твоё голосовое сообщение, только когда мы вышли с пляжа. В аэропорту все было нормально?

– Сесиль поменяла билет Хлои на другой рейс и не потру-дилась сообщить мне, вот и все. В конце концов я нашел ее в баре. Она курила с каким-то мерзким киприотом, которого подцепила по дороге.

– Боже мой. – Хелена вздохнула, плюхнулась на соседний стул и сделала глоток лимонада. – Ну вот, теперь она здесь. Похоже, ее совсем не взволновала встреча с нами. Она была совершенно невозмутима.

– Думаешь, искренне или притворяется? – Уильям пока-чал головой. – Я просто не знаю.

– Не знаю, но она явно любит детей. Имми и Фреду она сразу понравилась. И у меня определенно нет ощущения, что она таит к тебе укоренившуюся ненависть, – добавила Хеле-

на.

– Что подозрительно, учитывая обстоятельства.

– Дорогуша, большинство детей любят родителей безоговорочно, что бы те ни сделали... Хлоя явно смышленная девочка. Если ее мать, образно говоря, поливала тебя грязью, она поймет почему.

– Надеюсь. По крайней мере, за эти несколько недель я смогу наладить с ней отношения, а то когда еще доведется, – мрачно ответил Уильям.

– Хлоя становится взрослой и, что бы ни делала или ни говорила ее мать, начинает сама принимать решения. Например, чтобы ты снова присутствовал в ее жизни, когда этого хочет *она*, а не только когда это мешает романам ее матери.

– Будем надеяться. А теперь мне надо как-то приспособиться к ребенку, которого я почти не знаю. Проблема в том, что она больше не ребенок, и я понятия не имею, как далеко ее мать позволяет ей заходить или какие у нее рамки. Что, если она захочет встретиться с этим киприотом, которого подцепила в аэропорту? Они договаривались о встрече. Я не хочу казаться деспотичным отцом после того, как не видел ее много лет, но, с другой стороны, ей всего четырнадцать.

– Я понимаю, но Катикас едва ли тусовочный центр Европы, – утешающе улыбнулась Хелена. – Сомневаюсь, что она здесь влипнет в слишком большие неприятности.

– Где мужчины, там для Хлои неприятности, – вздохнул Уильям. – Местные мальчишки будут виться вокруг нее, как

пчелы вокруг горшка с медом. Мысль, что какой-то мальчишка протянет гнусные лапы к моей дочери... – он содрогнулся.

– Нормальная отцовская реакция, потому что ты знаешь, каким сам был в юности, – хмыкнула Хелена и встала. – Так, пока я разбираюсь с ужином, давай-ка поднимись наверх и загони младшую команду в ванную. Хлоя, наверное, умирает с голода, и было бы мило нам всем поесть вместе.

– Ладно. Я пошел.

* * *

– А Алекс придет? – спросила Хлоя Хелену, когда та ставила горячий сотейник на стол.

– Нет. Говорит, что у него мигрень. С ним такое регулярно. Бедняжка.

– Какая жалость. Он со мной еще даже не поздоровался, – заметила Хлоя, ухитряясь держать и Имми, и Фреда на тонких коленях. – На террасе он просто молча на меня таращился.

– Он выпится как следует и завтра будет в порядке. Пахнет божественно, – Хелена развернула несколько слоев воценой бумаги, прикрывавшей содержимое сотейника, и начала раскладывать еду по тарелкам. – Ангелина сказала, что это *клефтико*, что-то вроде томленного барашка.

– Барашка вроде Лэмби? – спросила Имми. – Не-а, я не

могу это есть. – Она покачала головой и скрестила на груди маленькие ручки. – А вдруг это мамочка или папочка Лэмби.

– Не глупи, Имми, ты прекрасно знаешь, что Лэмби игрушка. Он не настоящий. А теперь сядь и ешь ужин, как большая девочка, – раздраженно сказал Уильям.

Нижняя губа Имми задрожала, и она соскользнула с колена Хлои.

– Лэмби *настоящий, папочка*.

– Конечно, он настоящий, солнышко. – Хлоя погладила сестру по волосам и усадила на стул рядом с собой. – Нехороший папочка.

– Да, нехороший папочка, – торжествующе согласилась Имми.

– Пожалуйста, папочка, налей мне бокал, – попросила Хлоя, когда Уильям открыл бутылку вина.

Уильям неуверенно посмотрел на жену.

– Мама позволяет тебе вино дома? – спросила Хелена.

– Конечно. Она же француженка, помнишь?

– Ладно, тогда совсем немножко, – согласился Уильям.

– Да ладно тебе, пап. Я выиграла чемпионат по питью «Баркарди Бризер» на балу в честь окончания семестра в школе.

– Ну, это, несомненно, лучше премии по географии, – вполголоса пробормотал Уильям. – Хорошо, давайте есть.

После относительно спокойного ужина двое младших настояли, чтобы Хлоя отвела их наверх и читала сказку.

– После этого я загляну к Алексу, поздороваюсь, а потом

отрублюсь, – сказала Хлоя, когда ее тянули в дом за обе руки. – Доброй ночи, народ.

– Доброй ночи, Хлоя. – Хелена встала и начала собирать грязные тарелки на поднос. – Она прелестна, Уильям, и прекрасно ладит с малышами. И я рада дополнительной паре рук.

Уильям зевнул.

– Да, ты права. Давай оставим остальное на завтра. Мне тоже надо «отрубиться». В котором часу прибывают Сэди и Чандлеры?

– Во второй половине дня, так что у нас масса времени.

– Может быть, даже хватит на час у бассейна. Вдруг пове-
зет, да, Хелена... Хелена?

Она посмотрела на мужа.

– Прости, что ты сказал?

– Ничего важного. С тобой все в порядке?

Она ответила самой теплой улыбкой, какую смогла изобразить.

– Да, дорогуша, все просто отлично.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

16 июля 2006 года

Беру назад все, что сказано в последней записи.

Все целиком. Все до единого слова, мысли и дела.

«Когда-нибудь» наступило СЕГОДНЯ, 16 июля, примерно в четыре двадцать три.

Миг, когда Я Влюбился.

О черт! Мне плохо. Я явно болен. Сердце, которое все тринадцать лет отлично работало, прокачивая кровь по жилам, взбесилось. В него что-то попало. И это «что-то» коварно. Я чувствую, как оно распухает, растет и раскидывает щупальца по всему телу, парализуя меня, заставляя потеть, дрожать и вообще терять контроль.

Всего через несколько часов после этого «переворота» я осознаю, что сердце больше не следует указаниям мозга. Оно функционирует вне зависимости от того, как быстро или медленно я хожу. Оно откликается яростным стуком, хотя я лежу неподвижно, потому что я подумал о ней – этой самой Хлое.

Забудьте Афродиту, забудьте Мону Лизу (у которой, вообще-то, серьезные залысины) или Кейт Мосс. МОЯ девушка моссовой самой моссовой Мосс.

Оно – мое сердце – снова за свое: колотится, гоня кровь по телу, словно я только что выиграл марафон или сразился с акулой и оставил в ее пасти кусочки себя.

Стоит мне подумать о ней, это происходит.

Точнее, происходит много чего, но, пожалуй, сейчас я не буду углубляться в подробности.

По крайней мере, теперь я знаю наверняка, что я не гей. И не обременен эдиповым комплексом.

Я болен любовью. Мне нужна записка от врача, чтобы освободить меня от жизни, пока я не оправился.

Но это вообще возможно? В смысле оправиться? Я слышал, некоторые не могут. Возможно, я останусь калекой на всю жизнь.

В смысле, ради всего святого, я еще даже рта не открыл, чтобы поговорить с ней. Хотя это отчасти связано с тем, что в ее присутствии губы отказываются двигаться. Не говоря уже о том, чтобы есть перед ней. Немыслимо! Так что, похоже, этим летом придется серьезно поголодать. Или пировать по ночам.

Как я выдержу: видеть ее каждый день, ее мягкую как воск плоть – мучительно близкую, но недостижимую?

Кроме того, она родственница, хоть и не по крови, так что, вообще говоря, могло быть хуже. Наверное, было бы круто сказать мальчишкам: «Слушайте, я влюблен в сестру» – и посмотреть на их реакцию.

Когда я тарашился на нее сегодня – и началась вся эта

хрень с сердцем, – я видел, что она *действительно* похожа на папу. И подумал, какая восхитительная штука гены: преобразиться из него (мужчина, обычная внешность, старый, но хотя бы с волосами) в нее – воплощение женственности. Она само совершенство.

Снимаю футболку и трусы и остаюсь в носках. У меня жутко искусаны лодыжки, но сегодня комары до меня не доберутся. Вытаскиваю одни из десяти капроновых колгот, купленных сегодня в супермаркете возле пляжа, куда нас повела мама. Женщина на кассе смотрела на меня странно, а мне плевать.

Открываю упаковку и растягиваю колготки, страшно довольный своей блестящей идеей. Натягиваю штуку, которую называют ластовицей, себе на голову и дальше на лицо и с торжеством валюсь на подушку. Через них прекрасно дышится, потому что они тоненькие, и это означает, что наконец я сорвал планы этих мелких мерзавцев раз и навсегда.

Нашлось и дополнительное преимущество: как преступники в масках из чулок в фильмах про ограбление банков, я могу еще и видеть сквозь прозрачную ткань. Без промедления роюсь под кроватью в поисках конверта с письмами. Я не отдал их утром маме, потому что она была занята. А теперь мое состояние души изменилось так разительно за последние двадцать четыре часа, что я взгляну на эти письма по-новому.

Выбираю письмо наугад, засовываю наушники под эла-

стичный нейлон, покрывающий голову, и включаю айпод. Потом ложусь, чтобы хорошо провести время с человеком, чье сердце явно билось так же быстро, как бьется мое, с тех пор как я увидел Хлою.

На несколько секунд, под музыку «Колдплей» (я редко слушаю ее, но она, кажется, подходит к моему настроению лучше, чем «Сам 41»), я закрываю глаза, чтобы побаловать себя, и мысленно представляю ее.

Когда я наконец открываю глаза, то вижу, что не просто мысленно представляю ее. Она стоит прямо здесь, передо мной!

Черт!!!

Ее губы шевелятся, но я не слышу, что она говорит, из-за айпода. Выключаю его и тут с ужасом осознаю, что я полностью обнажен, если не считать носков. Сажусь и заворачиваюсь в простыню.

– Привет, Алекс, я Хлоя. Просто зашла поздороваться, – она лениво улыбается мне.

«Давай же, бестолочь, заставь свои губы шевелиться!» Облизываю их языком, чтобы подбодрить их, и выдавливаю придушенное «м-м-м».

Она смотрит на меня очень странно. Понятия не имею почему.

– Тебе лучше? Голова больше не болит?

Киваю.

– Не-а, – и продолжаю кивать.

– Я хотела поблагодарить за то, что отдал мне свою комнату. Мне Имми сказала. Ты уверен, что тебе здесь нормально? Эта комнатка размером с кладовку для метел.

– Ага, новм, – я опять киваю. Это как неуправляемая, однако успокаивающая судорога.

– Ладно, ну, может быть, мы могли бы завтра поболтать?

– Ага. Супфер.

Ой, блин! Я, как Нодди, не могу перестать кивать! Просто позовите моего друга Большеухого...²

– Тогда спокойной ночи, – говорит она.

– Нотши.

Она уже собирается закрыть дверь, но останавливается и спрашивает:

– У тебя что, уши болят?

Уже не пытаясь говорить, я просто качаю головой, вместо того чтобы кивать.

– Только голова?

Снова киваю.

– Гм.

Теперь она тоже кивает, поворачиваясь уходить, но потом говорит:

– Потому как мне интересно...

– Фто?

– Ты поэтому надел на голову колготки? Спокойной ночи, Алекс.

² Жители Страны игрушек, придуманной Энид Блайтон.

η

Восемь

На следующее утро Хелена проснулась на рассвете, преисполненная тревоги. Приказала себе заснуть снова, потому что день предстоял долгий, но от непрошенных мыслей, хлынувших в голову, требовалось чем-то отвлечься. Поэтому она вылезла из постели, надела репетиционный костюм и вышла на террасу.

Пока солнце медленно и сонно поднималось, Хелена начала с *плие* для разогрева. Она использовала балюстраду как станок, размышляя о том, как неуместно было бы смешение красок рассвета в комнате и, однако, как они кажутся такими восхитительными на небе. Наклонилась вперед, коснувшись каменного пола террасы кончиками пальцев, выпрямилась, потом изогнулась назад, тогда как руки образовали изящную арку над головой. Когда она танцевала на сцене, физические упражнения успокаивали разум, помогая мыслить более рационально.

Сегодня утром она не знала, с чего начать.

Что она *должна думать*?

Несколько недель назад идея приехать в Пандору с семьей казалась чудесной. С тех пор обстоятельства привели к состоянию повышенной нервозности, в котором она проснулась сегодня утром. В данный момент Хелена с трудом удерживала

живалась, чтобы не сбежать: от прошлого, от настоящего и от последствий того и другого для будущего.

Как она жаждала облегчить душу, наконец рассказать Уильяму и Алексу и убрать бремя, которое давило на грудь изо дня в день... но она знала, что это невозможно.

Это уничтожит все.

Так что... она будет делать то же, что и всегда. И справляться с секретами в одиночку.

Хелена исполнила арабеск, мрачно размышляя, как долго еще ее тело будет способно двигаться так плавно и легко. Когда она была моложе, у нее было все, чтобы осуществить мечту стать балериной: сильное и при этом изящное, гибкое тело, которое редко подводило ее, музыкальность, которая позволяла ей инстинктивно понимать ноты, и более необычные способности, выделявшие ее среди прочих, – немалый актерский талант.

Она быстро пробилась в солистки Королевского балета, ее имя признали по всей Европе как талант, за которым надо следить. Ее обхаживала балетная труппа театра Ла Скала в Милане, потом в двадцать пять она вместе с Фабио, своим партнером, переехала в Вену, чтобы стать прима-балериной в балетной труппе при знаменитой Государственной опере.

А потом...

Хелена вздохнула.

Она полюбила. И все изменилось.

– Хелена, у тебя какой-то усталый вид. Плохо спала?

Уильям стоял на кухне, задумчиво глядя на жену.

– Я перебирала в уме все, что надо сделать до приезда Чандлеров и Сэди, и в конце концов решила встать и сделать. Еще я хотела пораньше пересадить цветы, которые мы купили в садовом центре, а то потом будет слишком жарко. Как бы они в горшках не погибли. – Хелена достала из шкафа сухой завтрак и начала составлять тарелки на поднос, чтобы унести на террасу.

– Прости, дорогуша. Это я навязал тебе и Хлою, и Джулз со всей компанией.

– Не думаю. Джулз сама позвонила и напросилась, – возразила Хелена.

– Я знаю, она порой невыносима, но Саше сейчас придется нелегко. У него совсем не ладится с бизнесом. Обещаю тебе, что буду помогать по мере возможностей. Ангелина сегодня придет?

– Да. Я попрошу, чтобы она приготовила ужин и прибрала ванные. Ты же знаешь, какая Джулз придирчивая.

Уильям подошел к жене и помассировал ей плечи.

– Господи, Хелена, ты так напряжена. Постарайся вспомнить, что затевалось все ради отдыха.

– Постараюсь. Просто сегодня все нагрянут, а у нас конь

не валялся.

– Знаю, но и нас здесь много. Тебе надо только попросить.

– Да, – ответила она с бледной улыбкой. – Ладно, пойду наверх разберу полотенца. Покормишь Имми и Фреда завтраком? Хотя Фред уже нашел, где хранятся конфеты, – я нашла фантики на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.